

МЕМОАРИ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт 2026. № 3 (41)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (41), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (41), 2026

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-41-90>
<https://elibrary.ru/OWQUIP>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Труд целого семейства» (письмо В.А. Брюн де Сент-Ипполит Н.В. Гоголю с материалами для продолжения «Мертвых душ»)

© 2026, Н.Л. Виноградская

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

© 2026, А.А. Шурухина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Вступительная статья Н.Л. Виноградской, подготовка текста и комментарий Н.Л. Виноградской и А.А. Шурухиной

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-02075 «Гоголь и его окружение (свод биографических материалов)» (<https://rscf.ru/project/25-28-02075/>).

Аннотация: В работе впервые публикуется и атрибутируется письмо Варвары Алексеевны Брюн де Сент-Ипполит (урожд. Копьевой, ок. 1807–1875) Н.В. Гоголю с материалами для продолжения «Мертвых душ». Письмо, относящееся, вероятно, к концу 1850 г., было написано в ответ на предисловие Гоголя ко второму изданию «Мертвых душ» («К читателю от сочинителя», 1847). В предисловии читателям всех сословий предлагалось исправить ошибки первого тома поэмы и прислать Гоголю свои замечания вместе с записками об окружающих людях, их быте и нравах. На эту просьбу и откликнулась, в числе прочих, В.А. Брюн де Сент-Ипполит. Она родилась в семье драматурга А.Д. Копьева, жила в Петербурге, но вскоре после замужества (1846) покинула столицу и поселилась в Костромском имении, откуда написала Гоголю, приложив к письму тетрадь с материалами, подготовленными ею совместно с другими членами семьи. Тетрадь содержит зарисовки светской и музыкальной жизни Петербурга. О своих впечатлениях от полученных материалов (есть «наблюдательность и жизнь») Гоголь написал П.А. Плэтневу 15 июля 1851 г. Текст печатается в сопровождении комментария и вступитель-

ной статьи, в которой приводятся биографические сведения о В.А. Брюн де Сент-Ипполит и ее родных; раскрывается место письма в творческой истории «Мертвых душ». Публикация позволяет пополнить корпус переписки Гоголя, представленной в академическом Полном собрании сочинений писателя.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, В.А. Брюн де Сент-Ипполит, П.А. Плетнев, «Мертвые души», предисловие ко второму изданию «Мертвых душ», переписка, музыкальная жизнь Петербурга первой половины XIX в., музыканты-любители

Информация об авторах: Наталия Леонидовна Виноградская — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9669-2061>

E-mail: nvinograd@yandex.ru

Алина Александровна Шурухина — младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-9667-1090>

E-mail: al.shurux@gmail.com

Для цитирования: Виноградская Н.Л., Шурухина А.А. «Труд целого семейства» (письмо В.А. Брюн де Сент-Ипполит Н.В. Гоголю с материалами для продолжения «Мертвых душ») / вступ. ст. Н.Л. Виноградской, подгот. текста и коммент. Н.Л. Виноградской, А.А. Шурухиной // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 41–90. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-41-90>

Появление первого тома гоголевских «Мертвых душ» с выказанными в нем обещаниями — в следующих главах расширить «далече» горизонт повествования, изобразить персонажей иного, «колоссального» масштаба¹ — заставляло читателей предполагать, что продолжение поэмы даст ответы на многие поставленные в книге насущные вопросы, раскроет «тайну русской жизни» [7, т. 7, кн. 1, с. 227; 16, с. 167]. Эти ожидания, а также порожденные ими обсуждения и толки, занимаемая Гоголем позиция автора-пророка, проявлявшаяся и на страницах поэмы, и в его общении и переписке со знакомыми и друзьями словно бы втягивали читателей в работу над текстом, делали их причастными к процессу литературного творчества (см.: [16, с. 166–172]).

Следующим шагом в этом направлении стал выпуск в начале января 1847 г. второго издания «Мертвых душ» с предисловием «К читателю от сочинителя»². В нем Гоголь признавал «ошибки

¹ «...Предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный богскими доблестями, или чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремленья и самоотверженья» [7, т. 7, кн. 1, с. 210].

² Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма Н. Гоголя. 2-е изд. М., 1846; цензурное разрешение 25 августа 1846 г. с. V–X; см. то же: [7, т. 7, кн. 1, с. 233–236]. Гоголь

и промахи» первого тома («В книге этой многое описано неверно, не так, как есть и как действительно происходит в русской земле...») и обращался к представителям всех слоев общества: «...я прошу тебя, читатель, поправить меня. <...> Какого бы ни был ты сам высокого образования и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась в глазах твоих моя книга, и каким бы ни показалось тебе мелким делом ее исправлять и писать на нее замечания, — я прошу тебя это сделать» [7, т. 7, кн. 1, с. 233].

Читателям из «высшего сословия» Гоголь предлагал описать для него встреченных «людей с их нравами, склонностями и привычками» и «бездушные вещи, их окружающие», утверждая, что не может «выдать последних томов» своего сочинения до тех пор, пока «сколько-нибудь не узнает русскую жизнь со всех ее сторон» [7, т. 7, кн. 1, с. 234–235].

Однако помощь, за которой Гоголь обратился к читателям, не должна была исчерпываться указанием неточностей первого тома и предоставлением фактических сведений; предполагалось, что она распространится на другие, более глубокие, составляющие литературного творчества; тем самым читатель превращался не просто в «помощника», но и в «соавтора» [16, с. 202]: «Не дурно также, если бы кто-нибудь такой, кто наделен способностью воображать <...> проследил бы пристально всякое лицо, выведенное в моей книге, и сказал бы мне, как оно должно поступить в таких и таких случаях, что с ним, судя по началу, должно случиться далее...» [7, т. 7, кн. 1, с. 234–235]. Откликнувшимся на этот призыв «добрым душам» предлагалось адресовать свои послания П.А. Плетневу в Петербургский университет или С.П. Шевыреву — в Московский для передачи Гоголю [7, т. 7, кн. 1, с. 235].

В ответ на свое обращение Гоголь получил несколько читательских писем: от помещика Лебединского уезда Харьковской губернии К.И. Маркова, служащего Одесской городской думы В.И. Белого, студента Московского университета Д.К. Малиновского и др. (см. подробнее: [3; 6, т. 14, с. 98–121, 513–526; 7, т. 7, кн. 2, с. 600–602; 8, т. 3, с. 505–506]).

Отозвалась на просьбу Гоголя и некая читательница из «высшего сословия», приславшая рукопись с материалами для продолжения поэмы. Она отправила письмо в Петербург на имя П.А. Плетнева,

высказывал пожелание, чтобы книга вышла сразу после «Выбранных мест из переписки с друзьями», которые должны были прояснить для читателей смысл предисловия и содержащуюся в нем просьбу (см. письмо Гоголя С.П. Шевыреву от 8 (20) января 1847 г. из Неаполя [5, т. 13, с. 189]). Подробнее об истории второго издания поэмы см.: [7, т. 7, кн. 2, с. 517–527]; комментарий к предисловию: [7, т. 7, кн. 1, с. 812].

который сообщил об этом Гоголю 14 декабря 1850 г., не указав имени корреспондентки: «По твоей публикации какая-то дама прислала на мое имя тетрадь, написанную каллиграфически, где содержатся заметки на провинциальные нравы. Пожалуйста напиши, не лучше ли мне побережь ее до твоего сюда приезда, или тебе нужно, чтобы я переслал ее в Одессу?»³. Гоголь никак не отреагировал на это известие, поэтому спустя три месяца, 23 марта 1851 г., Плетнев напомнил ему о полученной тетради: «Я все ждал, что скажешь ты насчет замечаний неизвестной особы, по вызову твоему приславшей их ко мне: не забудь, что при втором издании первой части “Мертвых душ” ты всех просил доставлять подобные замечания ко мне или к Шевыреву. А теперь ты даже и не отвечаешь мне на этот пункт. Что же это значит?»⁴ Лишь 6 мая 1851 г. Гоголь распорядился: «Всякие письма и замечания, какие были тебе присланы насчет “М<ертвых> д<уш>”, запечатавши в один пакет, пошли ко мне, адресуя на имя Шевырева...» [5, т. 14, с. 229]. По всей видимости, Плетнев отправил тетрадь М.П. Погодину в Москву для передачи Гоголю, который должен был вскоре туда приехать. 6 июля 1851 г. Плетнев извещал Погодина: «...прилагаемая в письме тетрадь in folio принадлежит Н.В. Гоголю, который из Полтавы от 6 мая писал ко мне, что едет в Москву, и просил доставить С.П. Шевыреву все письма и другие замечания, присланные на его имя. Кроме этой тетрадки у меня ничего нет. Итак, прошу Вас, Михаил Петрович, или С.П. Шевыреву отдайте эту тетрадь, или лично Н.В. Гоголю» (см.: [6, т. 15, с. 585–586] — со ссылкой на: ОР РГБ. Ф. 231. К. 24. Ед. хр. 55. Л. 12 об.). К середине июля материалы, наконец, оказались у Гоголя; 15 июля 1851 г. он написал Плетневу из Москвы: «Получил пересланное тобой описание филантропического [филантропического] быта в большом свете, по поводу “М<ертвых> д<уш>”. Две страницы пробежал: правописание не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мне, наблюдательность и жизнь» [5, т. 14, с. 241]. Судя по этому отзыву, присланные неизвестной «дамой» материалы не слишком заинтересовали Гоголя и едва ли оказали значительное влияние на его литературную работу. Тем не менее они вписаны в творческую историю «Мертвых душ» и потому представляют интерес для гоголеведов.

Впоследствии тетрадь попала к наследникам Гоголя, а затем — к Н.С. Тихонравову. Он упомянул о ней в комментарии к предисловию «К читателю от сочинителя», вошедшему в подготовленный

³ Грот Я. Письма Плетнева к Гоголю. 1844–1851 // Русский вестник. 1890. Т. 211, № 11. С. 64.

⁴ Там же. С. 66.

им третий том 10-го издания «Сочинений» Гоголя (М., 1889): «Предисловие принесло Гоголю не много замечаний на первую часть “Мертвых душ”, да и те не всегда отвечали на запросы предисловия. В бумагах поэта, ныне принадлежащих его наследникам, оказалась только одна, довольно объемистая тетрадь, присланная на вызов “предисловия”. И эта тетрадь была получена Гоголем уже в июле 1851 г., когда дело переделки первого тома “Мертвых душ” было оставлено» [8, т. 3, с. 504–505]. Тетрадь ранее хранилась в ОР РГБ, в фонде Тихонравова⁵, но с 2008 г. она числится в розыске. Мы располагаем цифровой копией письма и материалов, выполненной с оригинала в 2007 г. (в копии отсутствует л. 13 об.).

На письме не обозначена дата; его можно предположительно отнести к концу 1850 г. (до 14 декабря) по связи с письмом П.А. Плетнева Гоголю от 14 декабря 1850 г., в котором сообщалось о получении материалов.

Письмо и материалы, присланные Гоголю, ранее не публиковались и не атрибутировались, комментаторы вслед за Плетневым называли корреспондентку Гоголя «неизвестной». Между тем письмо фактически подписано; адрес и имя отправителя указаны под ним, но затем зачеркнуты, хотя обозначены вполне отчетливо: «А наш адрес или Пседоним — Варвара Алексеевна С.-Гиполит, Костромской Губернии, в г. Ветлугу, в сельцо Жоржино. — Высокоблагородия». Вероятно, идентификации отправительницы препятствовала необычная фамилия: «С.-Гиполит». Интерпретировать эту подпись помог адрес: сельцо Жоржино Ветлужского уезда Костромской губернии упоминается в газетных объявлениях о запрещениях на имения; в них указано имя владелицы имения — дамы, приславшей Гоголю тетрадь: Варвара Алексеевна Брюн де Сент-Ипполит⁶. Существовал также другой вариант написания ее фамилии: Сент-Гипполит, сокращенно: С.-Гипполит или С.-Гиполит; он и использован в зачеркнутой подписи.

Как выяснилось, автор письма — В.А. Брюн де Сент-Ипполит, урожденная Копьева (ок. 1807–1875) — приобрела определенную известность в качестве писательницы, сотрудницы журнала для духовенства «Странник». Ей посвящено несколько строк в «Русском биографическом словаре»: «...писательница шестидесятих годов, дочь известного пажы Императора Павла I; ум. в Петербурге 16-го

⁵ ОР РГБ. Ф. 298/1. К. 37. Ед. хр. 4. Л. 1–18.

⁶ См., например: Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на имения. 1860. 27 июля. № 60. С. 3347–3349.

декабря 1875 г.»⁷. Здесь же перечислены ее сочинения религиозного характера: «Торжество Пасхи в Иерусалиме (в 1859 г.)»⁸, «О необходимости соединения всех сословий в общественных делах христианского благотворения»⁹ и «Праздник Рождества Христова в Вифлееме»¹⁰.

Более знаменит ее отец, генерал-майор Алексей Данилович Копьев (1767–1846) — драматург, автор нескольких комедий: «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка»¹¹, «Что наше тово нам и не нада»¹², «Бабы сплетни»¹³. [21, с. 123–126]. Копьев служил в Измайловском полку, затем бойкостью и остроумием обратил он на себя внимание фаворита Екатерины II П.А. Зубова, который поместил его при себе с чином армейского подполковника. В 1797 г. за какую-то проделку Копьев был арестован и посажен в крепость на 4 месяца, а потом отправлен в армейский полк в Финляндию, где встретил свою будущую жену Анну Константину (Констанцию) Шарлотту фон Скотт (1779–?), дочь небогатой помещицы. В первые месяцы царствования Александра I он был возвращен в Петербург и возведен в чин генерал-майора¹⁴. Копьев получил известность скорее как «герой литературного фольклора», чем как писатель, он слыл «остряком и балагуром, человеком переменчивой судьбы», «оригиналом»; по воспоминаниям современников, в старости «отличался скупостью, неопрятностью, алчностью, циничным пренебрежением к общему мнению»; жил торгами и подрядами; незадолго до смерти проклял и лишил наследства единственного сына Юрия [21, с. 124]. Ф.Ф. Вигель вспоминал: «Он <...> всегда шутил над семейными и супружескими добродетелями, а был верен и предан жене своей, благонравной, скромной и пристойной, и без памяти любил детей; ни против кого не имел ни злобы, ни зависти, а ни о ком не умел сказать хорошего слова; для красного словца <...> не щадил он если не отца, то матери и сестер, к коим, впрочем, чрезвычайно был привязан»¹⁵.

⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3. С. 412; см. также: Библиографический словарь русских писательниц князя Н.Н. Голицына. СПб., 1889. С. 32.

⁸ Странник. 1860. № 4. Отд. I. С. 107–116.

⁹ Странник 1860. № 4. Отд. V. С. 42–48.

¹⁰ Чтение для детей, издаваемое при духовном журнале «Странник». 1864. Ч. I. С. 12–20.

¹¹ Копьев А.Д. Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка. Комедия в пяти действиях. СПб., 1794; поставлена 11 мая 1794 г.

¹² Копьев А.Д. Что наше тово нам и не нада. Комедия в одном действии. СПб., 1794; поставлена 10 окт. 1794.

¹³ Текст не сохранился; поставлена 20 января 1796 г.

¹⁴ Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. 9. С. 247.

¹⁵ Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 т. М., 1928. Т. I. С. 370.

Как следует из публикуемого письма, материалы для продолжения «Мертвых душ» были собраны и отправлены Гоголю не единолично Варварой Алексеевной Брюн, но целым семейством: «...*Нам* вздумалось в уединении нашем употребить в пользу это отдаление от света, и *каждый из нас в семейном кругу* припоминает, кто из дневника с 1806-го года до нынешнего дня, кто из происшествий, где сам играл роль и был действующим лицом, одним словом, если автор Мертвых душ захочет своим пером переделать и своим магнетическим привлечением публики окрестить по-своему этот *труд целого семейства...*» (курсив наш. — Н.В.). Таким образом, присланные записки основаны на опыте и жизненных впечатлениях не только самой В.А. Брюн, но также ее родственников и домашних, поэтому далее мы приведем краткие биографические сведения и о ней, и о ее ближайшем окружении.

Брат Варвары Алексеевны Брюн де Сент-Ипполит — Юрий Алексеевич Копьев (? – ок. 1856) — полковник (1842), флигель-адъютант (по 1846); в 1842–1846 гг. командовал Грузинским гренадерским полком. Его судьба сложилась драматично: в 1846 г. в связи с обвинением в жестоком обращении с солдатами и в поставке в полк недоброкачественного провианта он был предан военному суду¹⁶. А.П. Ермолов писал о нем кавказскому наместнику М.С. Воронцову 13 апреля 1846 г. из Москвы: «Жаль чрезвычайно, что мог заслужить наказание офицер известный блистательною храбростью, отличных способностей и имевший такую карьеру, которая обещала ему самую лестную будущность. <...> Немногим в молодых летах дает судьба такую завидную дорогу по службе»¹⁷. По суду Ю.А. Копьев был оправдан, но лишился звания флигель-адъютанта. Во время крымской кампании он служил командиром бригады, а затем дивизии (1855–1856), получил звание генерал-майора, по окончании войны умер.

Ю.А. Копьев увлекался музыкой, в середине 1830-х гг. был дружен с М.И. Глинкой, который характеризовал его в «Записках» как своего приятеля, «огромного роста капитана», «певшего приятно басом и сочинившего несколько романсов»; именно Копьев тогда привел к Глинке композитора А.С. Даргомыжского — «маленького человечка в голубом сюртуке и красном жилете, который говорил пискливым сопрано»¹⁸. Автор мемуаров о Глинке также сообщает

¹⁶ Фелькнер А.И. Дело флигель-адъютанта Копьева // Русская старина. 1873. Т. 7. С. 533–546; Толстой В.С. О деле флигель-адъютанта полковника Копьева // Русский архив. 1873. Кн. 2. Стб. 1754–1762.

¹⁷ Архив князя Воронцова. М., 1890. Кн. 36. С. 294.

¹⁸ Глинка М.И. Записки. М., 1988. С. 64.

о его знакомстве с Ю.А. Копьевым¹⁹. Имя Копьева упоминает Л.Н. Толстой в дневниковой записи от 31 мая 1855 г. в связи с делами армейской службы²⁰.

В архивном фонде редакции журнала «Русская старина» (РО ИРЛИ. Ф. 265) сохранились воспоминания Варвары Алексеевны Брюн де Сент-Ипполит об отце и брате, написанные ею в 1874 г., за год до смерти. Они были переданы в редакцию журнала, подготовлены к публикации, но так и не вышли в свет, поскольку издатель «Русской старины» М.И. Семевский усомнился в их достоверности²¹. На рукописи (выполненной, вероятно, не автором, а другим лицом) имеются редакционные пометы: «Набрать корпусом в декабрьскую книгу»; «Статья эта <...> мистификация, за нее, даже не прочтя статьи и ввиду бедности дамы ее принесшей (будто бы сестра Копьева), уплатил ей деньги. Семевский»²². Текст подвергнут масштабной правке. На корректуре есть помета: «Это вздор и, кажется, *мистификация*»²³. Эти записки В.А. Брюн (Копьевой) содержат некоторые сведения об истории ее семьи. Так, из них следует, что ее мать Анна Карловна, урожд. Шкотт (Шкот, Скотт), вышедшая замуж за Алексея Даниловича Копьева в возрасте 17 лет, была дочерью эмигранта из Лондона Карла Шкотта, «вступившего в русскую службу в кавалергарды», и баронессы Юлии Ивановны Шкотт, уроженки Ревеля²⁴. В браке А.К. и А.Д. Копьевых, продлившемся 18 лет, родилось восемь детей — 7 дочерей и один сын (Юрий); Варвара принадлежала к числу средних дочерей²⁵. В период царствования Александра I

¹⁹ См.: Воспоминания о М.И. Глинке. 1825–1855 гг. // Русская старина. 1871. Т. IV, вып. 7. С. 46; подпись: П.С.

²⁰ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.; Л., 1937. Т. 47. С. 43.

²¹ Брюн В. Алексей Данилович и Юрий Алексеевич Копьевы (Из семейных воспоминаний) — РО ИРЛИ. Ф. 265 (Редакция журнала «Русская старина»). Оп. 1. № 30. Л. 325–337 — рукописный текст; № 34. Л. 57 — вторая корректура.

²² РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 1. № 30. Л. 326. Помета Семевского позволяет заключить, что В.А. Брюн де Сент-Ипполит находилась тогда в крайне стесненных жизненных обстоятельствах и сильно нуждалась.

²³ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 1. № 34. Л. 57.

²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 1. № 30. Л. 328 об. Сведения о бароне Карле Ивановиче Шкотте, деде В.А. Брюн де Сент-Ипполит по матери, а также его жене и дочери приведены в «Сборнике биографий кавалергардов»: «“Цесарской нации из дворян”, с 1772 г. служил рейт-пажом в Придворной конюшенной конторе, а 19 июня 1776 г. пожалован армии поручиком и кавалергардом в Кавалергардский корпус; 9 октября 1778 г., согласно прошению, переведен в Лейб-Гренадерский полк, для совместной службы с родственниками. Умер в августе 1779 г. После него осталась жена Ульриха-Элеонора 35 лет, и дочь Анна-Констанция 1 года, которым, по постановлению Военной коллегии, 28 ноября 1779 г., велено производить “вдовское и сиротское жалованье”, по засвидетельствовании общества офицеров Лб.-Гренадерского полка, что после Шкотта “недвижимого имущества нигде не имеется”» (Сборник биографий кавалергардов [1724–1899] по случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. Составлен под редакцией С. Панчулидзева. СПб., 1904. [Т. 2] 1762–1801. С. 120).

²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 1. № 30. Л. 330, 336 об.

Копьевы жили в Петербурге, увлекались искусством, принимали у себя талантливых людей, литераторы читали им свои неизданные произведения²⁶. Отец, прослужив генерал-майором 25 лет, был уволен в отставку при императоре Николае I; он не получал никакой пенсии; после смерти жены, имея на своем попечении восьмерых детей, он воспитывал всех на собственный счет²⁷.

Что же касается сестер Варвары Алексеевны Брюн де Сент-Ипполит, в их биографиях также обнаруживается немало примечательных фактов. Например, Наталья Алексеевна Копьева вышла замуж за морского офицера, контр-адмирала (1864) К.В. фон Фрейганга. О встрече с ней во время своего путешествия на Кавказ в 1858–1859 гг. упоминает А. Дюма-отец в путевых очерках: г-жа Фрейганг «удивительно хорошо говорила по-французски», и он «вступил с ней в разговор, как со старой знакомой»²⁸. Надежда Алексеевна Копьева состояла в браке с офицером лейб-гвардии Финляндского полка Степаном Павловичем Лермонтовым, двоюродным братом М.Ю. Лермонтова (о знакомстве ее дочери Олимпиады с поэтом см. ниже). Елизавета Алексеевна Копьева, помещица с. Понетаевка Нижегородской губернии, основала в 1864 г. в своей усадьбе Серафимо-Понетаевскую женскую общину, которая в 1869 г. получила статус женского монастыря. Юлия Алексеевна Копьева (1814–1839) в 1837 г. стала женой В.Е. Энгельгардта (род. 1808) — поэта, сына директора Царскосельского лицея Е.А. Энгельгардта. Из его переписки с И.И. Пушным (1798–1859), декабристом, лицейским другом Пушкина, следует, что Варвара Алексеевна Копьева в юности была увлечена Пушным, который до восстания 1825 г. посещал усадьбу ее отца в Пустынке неподалеку от Петербурга. В 1837 г., уже во время сибирской ссылки Пушкина, Е.А. Энгельгард предлагал устроить его брак с В.А. Копьевой. Отвечая ему, Пущин в письме от 4 декабря 1837 г. вспоминал семью Копьевых и отвергал возможность такого союза:

Кажется, вы часто от меня слышали, что я радушно был принят в том семействе и что я всегда платил им той же дружбой. Появление ваше в их кругу, известность моих чувств к вам, конечно, могло обратить мысль и разговор на того, который вместе с другими своими сослуживцами некогда посещал гостеприимную Пустынку и сохранил благодарное чувство за внимание добрых хозяев. Вот мое прошедшее: все в нем естественно и ничего нет необыкновен-

²⁶ Там же. Л. 330 об.

²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 1. № 34. Л. 57.

²⁸ Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988. С. 250.

ного. Как же вы хотите, чтоб я позволил себе мечты и вообразил, что могу упрочить чье-либо счастье, и что память обо мне возбуждает что-нибудь, кроме сердечного сострадания к теперешнему моему положению, не совсем обыкновенному? <...> человек, избравший путь довольно трудный, должен рассуждать не одним сердцем, чтоб без упрека идти по нем до конца. Так я всегда думаю, и потому мысль моя никогда не останавливалась на возможности супружества для меня. Ни лета мои, ни положение, ни домашние обстоятельства не позволяют мне искать чего-нибудь нового, приятного, когда около меня все загадочно и неопределенно²⁹.

Варвара Алексеевна Копьева вышла замуж позднее: в 1846 г., в возрасте 39 лет; она стала супругой военного инженера Егора (Георгия) Францевича Брюна де Сент-Ипполита (1800–1856), сына французского судостроителя на русской службе Франсуа (Франца Яковлевича) Брюна де Сент-Ипполита (1764–1820)³⁰. Егор Францевич Брюн был архитектором и изобретателем, служил в Корпусе инженеров Главного управления путей сообщения, затем младшим архитектором в Корпусе инженеров военных поселений. В РГИА сохранились документы, касающиеся его изобретений: «Дело о привилегии отставному подполковнику Брюну де Сент-Ипполиту на центробежную сушильную машину. 1839 г.»³¹; «Дело о привилегии отставному подполковнику Брюну де Сент-Ипполиту на устройство ламп с уравниателем. 1839 г.»³²; «О привилегии подполковнику Брюна де Сент-Ипполиту на устройство экипажей. 1839 г.»³³; см. также: [13, с. 791–800]. Первым браком он был женат на Елизавете Ивановне Брюн, урожд. Дюгу (1809–1843)³⁴; после ее смерти остался многодетным вдовцом³⁵. Второй брак, с Варварой Алексеевной Копьевой, был

²⁹ *Пушкин И.И.* Записки о Пушкине; Письма из Сибири / ред. и биогр. очерк С.Я. Штрайха. М., 1925. С. 170–173; 222–223; см. также: *Пушкин И.И.* Сочинения и письма: в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 251, 439, 471.

³⁰ *Саитов В.И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 306.

³¹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 2. 1839 г. Д. 111.

³² РГИА. Ф. 1152. Оп. 2. 1839 г. Д. 112.

³³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 41. Д. 2739.

³⁴ *Саитов В.И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 306.

³⁵ См. духовное завещание «умершей жены подполковника» Е.И. Брюн де Сент-Ипполит, согласно которому она оставила «детям своим, сыновьям: Борису, Анатолию, Алексею и Валентину и дочерям: Евгении, Атенасе, Викторине и Ольге Егоровым Брюн, по равной части, всю оставшуюся после ее движимость и 7 домов, состоящих в С.-Петербурге <...> с тем, чтобы числящиеся на завещательнице Елизавете Брюн долги, как по закладным, так и по другим законным от имени ее документам, удовлетворены были залогом или продажей тех домов» (Санкт-Петербургские сенатские объявления по судебным, распорядительным, полицейским и казенным делам. 1843. 24 июня. № 50. С. 36; см. также дела «Об опеке над несовершеннолетними детьми и имуществом умершей жены полковника Е. Брюн де Сент-Ипполит» (ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1576, 1577, 1578, 1580).

заключен 13 ноября 1846 г. Запись в метрической книге содержит следующие сведения: жених — младший архитектор Управления 1-го округа Корпуса инженеров военных поселений надворный советник Брюн де Сент-Ипполит, российский подданный, католического исповедания, вторым браком, 45 лет, невеста — умершего генерал-майора Алексея Даниловича Копьева дочь девица Варвара, православного вероисповедания, первым браком, 39 лет; поручители со стороны жениха: коллежский советник барон Федор Федорович Корф, служащий во 2-м отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и коллежский секретарь барон Николай Николаевич Корф, служащий в Министерстве иностранных дел; поручители со стороны невесты: помощник директора Императорского Воспитательного дома надворный советник и кавалер Павел Александров и коллежский советник Военного министерства Владимир Егорович Энгельгардт³⁶.

В это время Е.Ф. Брюн, по всей видимости, испытывал значительные финансовые затруднения. Его первая жена завещала принадлежавшее ей имущество детям; его петербургский дом в Новом переулке (дом 5, ныне пер. Антоненко, д. 6) в 1839 г. был заложен и в 1840 г. продан³⁷, в 1841 г. за неплатеж по закладной была выставлена на публичные торги его дача в Выборгской части Петербурга³⁸, в 1842 г. — дом в Нарвской части³⁹. В октябре 1840 г. на все его недвижимое имение было наложено запрещение за неплатеж по контракту с крестьянами 669 руб. сер.⁴⁰. В 1847 г. Егор Францевич Брюн объявлен несостоятельным должником⁴¹. 17 апреля 1847 г. он был уволен от службы в Корпусе инженеров военных поселений (в чине надворного советника)⁴². Семье пришлось покинуть Петербург и уехать в костромское имение В.А. Копьевой, полученное ею от отца. Алексей Данилович Копьев приобрел костромские деревни в 1825 г. Согласно газетному объявлению, 21 декабря 1825 г. поручиком Геннадием Болотниковым генерал-майору Алексею Копьеву

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 684. Л. 274 об. — 275.

³⁷ Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имущества. 1840. № 6, 10 февраля. С. 385; № 30, 27 июля. С. 2581.

³⁸ Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1841. № 110, 21 мая. С. 1260.

³⁹ Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1842. № 15, 20 января. С. 125.

⁴⁰ Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имущества. 1840. 12 октября. № 41. С. 3539.

⁴¹ Санкт-Петербургские сенатские объявления по судебным, распорядительным, полицейским и казенным делам. 1847. № 63, 7 августа. Публикация 2. С. 10. См. также: РГИА. Ф. 1348 Оп. 59. Д. 1058. Четвертый (апелляционный) департамент Сената. О долгах надворного советника Брюна. 1 февраля 1856 г.

⁴² Санкт-Петербургские ведомости. 1847. № 85, 18 апреля. С. 393.

было продано недвижимое имение в Ветлужском уезде Костромской губернии: деревни Курилово, Шошино, Антропиха, Курехино, Потешиха с крепостными⁴³. Эти имения были заложены В.А. Брюн де Сент-Ипполит в 1847 г.⁴⁴, вскоре после замужества, и в 1856 и 1859 гг. проданы⁴⁵. Из костромской усадьбы и было отправлено Гоголю (предположительно в конце 1850 г.) публикуемое письмо. В нем удаление семейства от света и переселение в деревню объяснялись так: «Судьба или расстроенное состояние нас недавно разлучили с этим обществом, где мы жили, и наслаждались, и скучали с ними». Вероятно, именно «расстроенное состояние» заставило авторов записок предложить Гоголю оплачивать их труд, впрочем по назначенной им «самой умеренной цене», по получении от них «каждой тетради» с материалами. Судя по имеющимся сведениям, Гоголь на это предложение не отозвался.

Неизвестно, кто именно из родственников В.А. Брюн жил в то время в усадьбе и принимал участие в составлении записок, посланных Гоголю; можно предположить, что в число «соавторов» входил кто-то из ее незамужних сестер, супруг и его дети от первого брака, а также кто-то из старших членов семьи (тот, кто мог вести дневник «с 1806-го года до нынешнего дня»).

Мы располагаем лишь отрывочными сведениями о том, как складывалась жизнь Варвары Алексеевны Брюн де Сент-Ипполит после смерти мужа в 1856 г. В середине 1850-х гг. она жила в Петербурге у сестры Надежды Алексеевны. Об этом свидетельствует следующий фрагмент письма Д.И. Писарева⁴⁶ (учившегося тогда в Третьей петербургской гимназии) родителям от 9 апреля 1855 г.: «...Я отправился засвидетельствовать свое почтение и поздравить Над<ежду> Алекс<еевну>. Мне сделали много упреков за то, что я явился слишком поздно, то есть что я не поздравил ее раньше. *Var-*

⁴³ Правительствующего сената Санкт-Петербургских департаментов объявления к Санкт-Петербургским ведомостям. 1826. № 16, 23 февраля. О совершенных и явленных разных крепостных актах. С. XI–XII.

⁴⁴ В.А. Брюн де Сент-Ипполит, жена надворного советника, в ноябре 1847 г. получила ссуду 15220 руб. сер. под залог имения в Ветлужском уезде Костромской губернии, в деревнях Потешихе, Курилово, Курехине, Шошине и Антропихе (205 душ, с принадлежащей к ним землей) (Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. 1848. № 1, 3 января. С. 3).

⁴⁵ См.: Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. 1860. № 60, 27 июля. С. 3348–3349. Позднее В.А. Брюн вспоминала: «Я отправилась в свое имение в Костромскую губернию, чтобы продать 5300 десятин строевого лесу, и в Нижнем запродала» [12, с. 67].

⁴⁶ Р.А. Коренева, двоюродная сестра Д.И. Писарева и приемная дочь его матери, позднее его возлюбленная, была племянницей Екатерины Павловны Кореновой (1812–1887), жены Ю.А. Копьева, брата В.А. Брюн де Сент-Ипполит. Сын Юрия Копьева Николай (Коко) — приятель Писарева.

вара Алекс<еевна> которая живет у нее, питая страсть к рисованию и даже посещая теперь школу рисования вместе с *Липочкой*, завладела мною, посадила меня в позу и принялась рисовать мой портрет. Сеанс, хотя и прерываемый несколько раз, длился около часу, после чего я, наконец, вернулся домой» [18, т. 11, с. 84]. Названная здесь Липочка — вероятно, Олимпиада Степановна Лермонтова, племянница Варвары Алексеевны Брюн, дочь ее сестры Надежды Алексеевны Лермонтовой и Степана Павловича Лермонтова (см. о нем выше). Известен список лермонтовского «Демона» с посвященной ей французской надписью: «Мадемуазель Олимпии». «Согласно семейному преданию, Лермонтов продиктовал поэму юной Олимпиаде Степановне, блиставшей в те годы на балах и отличавшейся красотой и остроумием. Олимпиада была поклонницей поэзии Лермонтова и особенно любила поэму “Демон”» [17, с. 166–167]. Не исключено, что с поэтом была знакома и В.А. Брюн.

В 1858–1859 и 1861–1862 гг. В.А. Брюн де Сент-Ипполит совершила две поездки на Святую землю. Ее рассказы об этих путешествиях («Торжество Пасхи в Иерусалиме в 1859 г.», «О необходимости соединения всех сословий в общественных делах христианского благотворения», «Праздник Рождества Христова в Вифлееме») были напечатаны в журнале «Странник», в котором она сотрудничала, и в приложении к нему (см. выше). «Торжество Пасхи в Иерусалиме» в 2023 г. повторно опубликовано М.С. Крутовой по рукописи из фондов ОР РГБ, имеющей разночтения с журнальным вариантом [12, с. 73–77]. Кроме того, ею выявлены в ОР РГБ еще два сочинения В.А. Брюн: анонимные «Записки паломницы Варвары» и «Пять месяцев в Псковской губернии» (текст «Записок...» приведен в работе: [12, с. 65–73]). Из них следует, что Варвара Брюн прилагала усилия к организации русской школы для девочек в Палестине, потратив на это собственные средства, вырученные от продажи дома в Кишиневе, а также занималась устройством народной школы в Псковской губернии [12, с. 55, 69, 73].

В.А. Брюн умерла 16 декабря 1875 г. По всей видимости, в последние годы она сильно нуждалась: запись о смерти вдовы надворного советника Варвары Алексеевой Брюн де Сент-Ипполит от воспаления легких в возрасте 68 лет внесена в метрическую книгу Дома призрения бедных императрицы Александры Федоровны⁴⁷. Похоронена В.А. Брюн на Смоленском православном кладбище в Петербурге⁴⁸.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1212. Л. 27 об.

⁴⁸ Саитов В.И. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 306.

Отзыв Гоголя о присланных ему материалах, содержащий в письме Плетневу от 15 июля 1851 г. («...правописание не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мне, наблюдательность и жизнь») во многом справедлив. Текст в тетради грешит большим количеством грамматических ошибок. Писавший (сама В.А. Брюн или кто-то из ее окружения — возможно, под диктовку), очевидно, не слишком свободно владел русским языком, поскольку более привычным для него был французский (об этом свидетельствует обилие в тексте галлицизмов). Вспомним, что предки Варвары Алексеевны со стороны матери были иностранного происхождения, муж и его дети от первого брака — французами. Что же касается стиля и содержания, текст в значительной мере ориентирован на автора «Мертвых душ» — и на его запрос, высказанный в предисловии ко второму изданию поэмы (описать представителей высшего сословия с их нравами и бытом), и на то представление о гоголевской прозе, которое сложилось у читателей: иронический тон, высмеивание пороков (такая установка заявлена самим автором записок в обращенной к Гоголю «преамбуле»: см. слова о «слабостях», «страстях и недостатках» высшего круга), внимание к бытовым подробностям, обилие диалогов, передача особенностей речи героев, попытка изображения «типов» и проч. Материалы представляют собой зарисовки музыкальной и светской жизни Петербурга первой половины XIX в., в них изображены, в частности, сцены репетиций музыкантов-любителей из светского общества (см. об этом комментарий). Однако едва ли записки можно отнести к одному из традиционных жанров документальной прозы — в них уже намечена трансформация действительности, преобразующая наблюдения за бытовой реальностью в реальность художественную, то есть предполагающая художественное обобщение: «Конечно, анахронизмами и перемешанными персонажами скрыты иные происшествия, слишком знакомые еще живущим лицам. Но ход дел, и разговоры, и лица истинны; каждое именуемое лицо в этом отрывке будет иметь оригинальную развязку, скопированную с натуры». Такие особенности текста затрудняют его комментирование: определить, какие именно действительные «лица» и «происшествия» музыкальной и светской жизни Петербурга подразумеваются, зачастую практически невозможно, поскольку детали многих общеизвестных в то время событий, узнаваемые для современников («слишком знакомые еще живущим лицам»), не сохранились, а те, что дошли до нас в воспоминаниях и переписке, могли быть целенаправленно «перемешаны»

автором записок: представленные персонажи, видимо, совмещают отдельные черты конкретных реальных личностей. Даже период времени, о котором идет речь, определяется весьма приблизительно, не в последнюю очередь благодаря допущенным автором «анахронизмам». В качестве источника материалов упоминаются и «дневник с 1806-го года, до нынешнего дня» (вероятно, до 1850 г.), и воспоминания о происшествиях, в которых кто-то из составителей «был действующим лицом», то есть, судя по их возрасту, событиях 1820–1840-х гг. В связи с этим в комментарии приводятся сведения о наиболее ярких и характерных явлениях и персонах музыкальной жизни Петербурга первой половины XIX в., которые так или иначе близки описанным в тексте и позволяют составить представление о ее главных тенденциях и выдающихся представителях.

Ниже публикуются по цифровой копии автографа (ОР РГБ. Ф. 298/І. К. 37. Ед. хр. 4. Л. 2–18; л. 18 не заполнен, л. 13 об. отсутствует в копии) присланные Гоголю материалы и сопровождающее их письмо (Л. 1–1 об.). Большая часть орфографических, грамматических и пунктуационных ошибок и погрешностей, лишаящих текст связности и препятствующих его пониманию, исправлена.

Над текстом имеется заголовок: «Материалы для [второго тома] продолжения «Мертвых душ», доставленные Н.В. Гоголю из провинции, по его печатной просьбе. [Из бумаг Н.В. Гоголя. Сообщил П.А. Кулиш]» (на л. 1, чернилами, рукой неустановленного лица, поверх карандашной записи, сделанной другим почерком: «NB. Эту тетрадь надобно передать Н.В. Гоголю. Она прислана Плетневу неизвестною особою и составляет заметки на первый том Мертвых Душ»).

В.А. Брюн де Сент-Ипполит — Н.В. Гоголю

*Конец 1850 г. (до 14 декабря), село Жоржино Ветлужского уезда
Костромской губернии*

На днях прочли мы в семейном кругу второе издание ваших Мертвых душ, где вы так метко попадаете в благотворительную цель, и где описание общества провинциального так хорошо высказано, что можно без разбору найти лица ваши в оригинале в каждой провинции. Прочли мы также ваше предисловие, в котором вы вызываете сообщить вам сцены из высшего общества во всей

подробности. Судьба или расстроенное состояние нас недавно разлучили с этим обществом, где мы жили, и наслаждались, и скучали с ними. — Увлеченные описанием вашим такого общества, которое так коротко всем известно и вместе с тем так угнетено и непонятно высшему кругу, имевшему с своей стороны столько слабостей и те же страсти и недостатки, но которое своим кредитом и мишурой затмевает несправедливо таких же людей, стоящих, может, во многом их, и пособляющее им в крайности, и зная подробно все тайны высших лиц, нам вздумалось в уединении нашем употребить в пользу это отдаление от света, и каждый из нас в семейном кругу припоминает, кто из дневника с 1806-го года до нынешнего дня, кто из происшествий, где сам играл роль и был действующим лицом, одним словом, если автор Мертвых душ захочет своим пером переделать и своим магнетическим привлечением публики окрестить по-своему этот труд целого семейства, то при самой умеренной цене, которую просим Вас назначать самим по совести и присылать по получении каждой тетради от нас, и при одной просьбе остаться в совершенном *incognito*, без чего нельзя будет нам так искренно передавать Вам наши сплетни, в которых все скопировано с натуры. — Конечно, анахронизмами и перемешанными персонажами скрыты иные происшествия, слишком знакомые еще живущим лицам. Но ход дел, и разговоры, и лица истинны; каждое именуемое лицо в этом отрывке будет иметь оригинальную развязку, скопированную с натуры, и если только труды наши могут быть полезны такому знаменитому автору, который умел интересовать своим пером все сословия равным образом, что сочинения господина Гоголя делают необходимость всех библиотек, то всякой месяц тетрадь будет готова, только просим вас прислать свой адрес. — [А наш адрес или Пседоним — Варвара Алексеевна С.-Гиполит, Костромской Губернии, в г. Ветлугу, в село Жоржино. — Высокоблагородия].

P.S. Без сомнения мы не ожидаем, что один из первых авторов наших оставит слог наш и мысли в оригинале, мы просим даже принять наш труд как канву простую, где шелк и бисер совершенно ее покроют.

Говорят, что Петербург не постоянен, однако ж фанатизм музыкальный давно уже царствовал в нашем обществе и даже более чем за 20 лет был предметом сообщения всех сословий, когда еще не было введено у нас Благородного собрания¹, мысль соединения хотя высших лиц, то есть хоть двух сословий между собой, равно богатых, одного воспитания, с чинами наравне, принадлежала иным лицам,

но никогда этого смешения нельзя было составить, и черта так ярко отмеченная, что сколько ни составляются и свадьбы, и службы уравниательные, и воспитание казенное, но все невозможно не заметить эти яркие оттенки; что это такое? Это неизъяснимо и странно, что второстепенное общество не так примечает этой черты, как высший круг. Они как масоны между собой, как сами говорят, *on flaire son pareil*². Мысль музыкальных вечеров для публики, составленных аматерами³, принадлежала вначале второстепенному обществу. Несколько семейств, имеющих в своем кругу некоторых любителей и точно дарованных музыкальным искусством, дышащих изящным вкусом, участвовавших несколько раз в благотворительных публичных концертах с успехом, придумали составить в зиму несколько концертов, по сходной цене, чтобы каждый из приятелей и любителей музыки мог участвовать, со многими репетициями⁴. На первой репетиции участвующие при учителях своих играли или пели и были осудимы или приняты с восторгом, суд был строгий, часто солистов передавали в хористы или в оркестр. — Одним словом, тут была вся немецкая строгость соблюдена по части музыкальной. Но *ensemble*, зала, туалеты, освещение, все это было очень умеренно и по деньгам. Да и партер не взыскателен, слух был главное чувство, и нередко видны были слезы на глазах у родителей, которые следили за каждой нотой, даже и за оркестром. Как бывает нередко, высший круг мужского пола заглянул в это радушное общество, захотелось и им что-то подобное затеять⁵. Один из первых лиц меломанов высшего круга, пожилых лет, но с чувствами зеленой молодежи, как про него говорили племянницы его, поклонившись с приветствием певице, спевшей последнюю арию первой партии концерта, пробирался между стульями, к дверям, перед началом второй увертюры, в театральную прихожую, закричал: «Архип!», надел шубу, и спусться с крутой лестницы, насвистывал мотив из «Оберона»⁶, который его мысленно провожал. Садясь в карету, он сказал: «К княгине на Литейную». Во всю дорогу был видимо занят глубокими мыслями и жевал что-то, это были какие-то коломенские конфекты, которые он у Фелицаты Павловны получил, где Аннушка, дочь ее 16-тилетняя, привлекала вельможу своими голубыми глазами, а дядя ее — своими нажитыми золотыми денежками, служивший когда-то квартальным надзирателем Васильевской части и дававший деньги в проценты, как он говаривал. Вельможа уже пятый раз занимал по векселю и вместо процентов давал новые векселя, что составило 700 т. рублей⁷. — Но не о том думал наш вельможа, у него память коротка была, лишь бы деньги получить, а там не его дело, у него же

жена была скромная, давно уже и от двора, и от света удалилась, у нее был предмет ее жизни — внучка, прелестная девушка 17 лет, Вава, которая любила ее более матери своей, а ей доверяла все свои грезы и юношеские мечты; наконец, подъезжая к дому освященному двумя фонарями у подъезда, швейцар снял у него шубу, говоря: «Давно съехались, ваше высокопревосходительство». — «А что, братец, Palenti⁸ здесь?» — «Давно, он здесь обедал». Старик взошел тяжело по лестнице, хотя она и очень была отлога, и по мягкому ковру; слышно было голоса, трио из *Gazza ladra*⁹, он взошел в первую комнату, где большое зеркало было окружено цветами, пышными луковицами, оправился, остановился и левом ухом нагнулся к дверям и с видимым удовольствием прислушивался к пению, постоял еще, лакей в мундирном фраке с гербами стоял у двери неподвижным и готов был отворить дверь. В стеклянную дверь видно было сидящих лакеев в большой зале на лавках, на шубах своих господ. Голоса остановились, и громкий аккомпанемент послышался аккомпаниера. Знакомый наш гость взошел, подошел прежде всего к хозяйкам, которые только что спели, взял их обеих за руку и приветствовал их, говоря: «*Charmant, charmant, mes petits rossignols*»¹⁰. — Тут наполненная большая зала всех родственников и родственников, подошли к певицам, девицы поцеловали действующих лиц, обратясь потом к учителю, м. Palenti: «Как это хорошо, прелесть», кавалеры восхищались вслух, старшая певица говорила очень живо с учителем на италианском о каком-то пассаже, который ей не удался. Palenti ее утешал, говоря, что сестра ее не спуталась, поэтому никто не приметил. Шум, говор, в это время лакеи подавали мороженое всех сортов, и каждый на блюдечке, взявши золотой ложкой, искал место себе приютиться, — Проходят в другую комнату, где столько наставлено мебели, что, кажется, половина людей не могла бы даже и стоять в этой комнате, но всякому было место. Кто перед столиком, кто на диванчике, кто *dos-à-dos*¹¹, одним словом, все вдруг приняло надлежащий порядок; в двух залах, освещенных блестящим образом¹², были столы и в вист играли вельможи, обвешанные орденами, и дамы в богатых уборах. Гость наш прищурился, искавши кого-то, а в то же время подошла хозяйка, мать обеих певиц, молодая дама с обнаженными плечами белизны необыкновенной, лет неопределенных, но блестящей красоты, в темном шелковом платье, с убором, едва только накинутым на голове, с цветами, руки беспорочные и все завешанные браслетами всякого сорта, она дружески поцеловала старика, и сказала умирающим голосом: «*Mon oncle*¹³, что вы так поздно, много уж пели без вас». «Хорошо, хорошо, — отвечал

дядя второпях, — где le Pointu¹⁴? Мне надо его». «Ах, дядюшка, — вскричала молодая дама веселой наружности, — как он нам надоел, избавьте нас от его скрипки». — И, спохватившись, что дядя ее с ним обыкновенно играет квартеты, сказала ласково: «Не для вас я это говорю, mon bon oncle¹⁵, вы знаете, что мы вас всегда слушаем с удовольствием». — Подумают, что le Pointu какой-нибудь иностранец: ничуть. Это был русской князь, так худ, что военный его мундир на нем сидел как на вешалке, для квартетов его называли необходимость, то есть: альт или вторая скрипка, а дамы называли его le Pointu¹⁶. — Дядя отвечал, рассеянно глядя в толпу: «Нет, мне с ним поговорить надо, я из филармонического общества¹⁷». — Тут подошли многие дамы, кавалеры, и составила толпа. — Le Pointu, le Gros¹⁸, Питаш, Вилка, Тата, Коко и прочие. «Откуда?» — все спрашивают общего дядю, он был окружен со всех сторон, но сам он называл бесчисленных своих племянников и племянниц cousin и cousine¹⁹». — «А вот что, я из концерта, тут блондинка так мило пела, что если бы не против нее стоял, то есть с чего и с ума сойти, но жаль la petite²⁰ бы недурна, платье sang de boeuf²¹, а тьма какая, не видать ничего, лампы копят, я весь платок запачкал». — Тут он утирался под носом, захохотали все дамы. — «Гвоздиков пахнут», — прибавил дядя. «Фи», — сказали некоторые дамы. — Дядя продолжил: «Я был в восторге от ситной<?> моей блондинки, хотел захлопать, но какой-то суровой старик на меня взглянул и говорит: “У нас не артисты”, я умолк. Вижу, какая-то головка бьет такту тут на кресле в первом ряду, на ней бархатный ширм с огромным пером, я к ней: “Ваша дочка, вероятно? Как поет”. — Она вся в слезах мне отвечает: “А брат ее, это дивно, не правда ли”, — я ничего не мог понять. Мне тут фискал в очках сказал, что в оркестре старший брат первая скрипка был. — Я не мог представить, что она от оркестра в восхищении, дерут, братец, уши все продрали, а духовые так и пищат, впрочем, очень хорошо все, только темно и душно, дамы все кто в ситцовых, кто в камлотах²²». «Le bon vieux radoteur²³, — сказала девица перезрелая, которую звали, не знаю почему, m-lle Hélène, когда давно можно было ее назвать Еленой Дмитриевной, и по званию высокопревосходительною²⁴. «А вот, — прибавил общий дядя, — певчие придворные отличились в Бетховена фантазии²⁵». Пока передние лица говорили с дядей, задняя шеренга не теряла времени, говорили между собою, каждой о своем, воспользовавшись incognito в толпе. Кто ласково передавал записочку, ответ на вчерашнюю, кто успел два слова переговорить об важном деле, как, например: «Я нашла вам денег, будьте спокойны, Петр Андреич сыскал,

приезжайте к нему завтра утром после разводу»; кто успел сказать, что завтра утром будет в Англинском магазейне²⁶, где англичанка ее передаст что-то сидельцу²⁷, с ним успеет обо всем переговорить, в той комнате, где продаются чемоданы. Один из усталых львов уговаривал свою молодинькую кузину выйти без отговорок замуж, не капризаясь, за того пехотного офицера, которого ей представили на прошедшей неделе. Что тетка может догадаться о чем-нибудь, а будет замужем, то на свободе будет видеться без хлопот на просторе, тогда-то, говорил он, *mes amours*²⁸, мы с тобою будем неразлучно, как две голубки. Но мы забыли дядюшку, он от дистракций подал молодой девице свою табакерку, предлагал ей понюхать табак, что заставило ее покраснеть, а окружающие ее соседки громко захохотали. К тому же Коко, известный весельчак и забава всего общества²⁹, очень серьезно ей сказал: «Вот, Лили, если б вы у *grand maman*³⁰ у нянюшки ее не брали бы тайком табакерку, то дядюшка не вздумал бы вас этим попотчевать». — «Ах, что вы говорите, когда же я нюхала табак, фэй, ведь я не для себя спрашивала ее у Матрены Ильиничны, *m-lle Hélène* меня просила взять у нее табакерку». «Кто вам это рассказал», — *m-lle Hélène* принужденной улыбкой прихватила. «Ведь и я не нюхаю, Лили, вы не помните, что мы хотели утешить добрую старушку, она так любит чем-нибудь услужить, когда к ней приходят». — И обратясь сердито к своей англичанке, «*Stupid girl*», — сказала она, то есть «дурочка». Англичанка ответила сквозь зубы: «*Indeed*» — «точно так». Дядя с радушием опять начал приступать к обществу. «А что бы <...> нам собраться концертик составить; *m. Palenti* *dirigeur*, вот и *soprano*», — адресуясь к прелестному личику той же *Lili*, брюнетки с дивной талией, в прозрачном розовом платье, ножка детская, вид томной и грустной, правильной нос, и ротик коралловой, белизны матовой, на подбородке ямочка. Мать Лили, болезненного сложения, видно истощенная бессонницей, сказала: «*M. Palenti*, вы завтра к нам зайдете, Лили, ты петъ будешь». Лили покраснела, потому что она знала, что плохая была музыкантша, *m-lle Hélène* сказала с насмешкой матери ее: «*Ma cousine*, давно ли Лили поет? Я никогда ее не слыхала». «Случая не было», — отвечала сухо мать Лили. Дядя обратился к *m-lle Hélène*: «И вы, *ma cousine*, *contralto*»; *m-lle Hélène*, с довольным видом наклонясь головой на левое плечо на учителя: «*M. Palenti*, вы мне поможете?» *M. Palenti* поклонился, и обратясь к двум певицам, уже нам знакомым, сказал им: «Наш сегодняшний трио будет большой эффект; вот *m. William* мою партию превосходно споет». Вильям был молодой граф, собой красавец, брюнет, черные густые волосы как смоль,

глаза азиатские, стройный, голос обработанный, чистой, звонкой баритон, так страстен к музыке, что решительно не мог заниматься никем и ничем другим, что приводило в отчаяние многих дам, которые от него были без ума, главное и от того, что он без выезда бывал в доме княгини Веры, там две дочери ее, не уступая ему в страсти к музыке, пели с утра до вечера. Мать же их, женщина самых свободных правил, принимала всех молодых людей фамилиарно, муж ее служил за границей, она была совершенно свободна, рожденная полька состояния большого, не знала нужды, меняла любовников без совести и без сожаления, у нее две дочери, которых она воспитывала учителями и гувернантками, потом они выросли сами, пристрастились к музыке, учитель Palenti жил почти у них, они с гувернанткой выезжали только в те дома, где занимались музыкой, мать не входила ни во что. — Каждую неделю собирались к ним все музыканты, артисты и аматеры, мать принимала своих друзей на своей половине и выходила к детям в день музыкальной, как прочие гости. — Вильям пел до обеда, потом сидел за столом подле матери, после обеда курил сигарку у нее в кабинете, садился с ней на одном диванчике, она ноги протягивала к нему на колени, он никогда с ней не говаривал о любви, но целовал часто ее в плечо и в щеку. — Она привыкла к нему и откровенно ему сватала старшую свою дочь, он ни да, ни нет не отвечал и продолжал с обеими петь. Вильям был дальний родственник жены общего дяди и с удовольствием бывал иногда у почтенного своего дядюшки, он почитал и душевно любил тетку свою и веровал в нее, там он привык смотреть молча на Вава, которая, сидя у ног бабушки своей, слушала все, что он так откровенно с ней говаривал, и невольное чувство уважения, и привычка слушать старушку, которая любила его как сына, все это глубоко врезалось в молодую душу Вава, но она знала также, что он безвыездно бывал у очаровательной польки и что он по склонностям своим напел себе, может быть, там подругу жизни. Грустно ей было, и даже ревность пылала в ее младенческой груди. Певиц наших звали *Annette et Lise*. Некоторые лица из первых вельмож, отыгравши свои робберы³¹, подошли к толпе и один из них сказал: «Достать бы устав Филармонического общества³²». «У меня он в кармане, — сказал истощившийся от фортепианного искусства молодой низенькой человек³³, — вот и программа сегодняшнего концерта». — Старики надели очки, стали разбирать устав; один высокий худошавый старик сказал с важностию даме пожилых лет, у которой глаза сверкали как огонь, хотя туловище ее уже сгорбилось на один бок и по оригинальному свойству всей ее жизни туалет ее

был так безобразен, что на улице бы ее приняли бы за салопницу. Но зато умом и познаниями она была выше многих своего круга и была даже красавица своего времени, но так ей хотелось одеваться. Язык был у нее бритва, а дела ее предобрые и благотворительные. Для молодежи она была строга, хотя любила молодых девиц, и снисходительна, когда кто просил ее помощи или защиты, одним словом, графиня Наталия Ивановна была не так черна, как видом сатана. Она была довольно остра для иных и любила противуречить, а другим позволяла много себе говорить, не обращая внимания на их слова, то есть кто имел довольно духу против нее открыто идти, она тех оставляла в покое, но беда скромным и застенчивым³⁴. Худошавый старик, обращаясь к ней, сказал: «Цена не может состоять у нас, как тут сказано»³⁵. «Конечно, — возразила графиня, — без того будет толпа, что вы хотите, чтобы вся сволочь к нам забралась? Вы знаете, как любопытен этот народ, пожалуй, жена сапожника моего дворецкого вздумает у меня денег просить во время симфоний, или акордерша придет жаловаться, что муж ее пьяница все деньги прокутил и что она будет их приходить получать от меня в *музыкальной зале*. Вы знаете, как эта сволочь любит заглядывать в наш круг, мы, каковы бы мы ни были, *mais nous ne réchons pas par le nombre*³⁶, а у моей Матрены Селиверстовны, ключницы моей, одних родных и приятелей не перечесть, ведь ими можно мостить шоссе из Москвы в Петербург». «Полноте, *Grand Maman*³⁷, — сказал длинной, очень длинной Коко, — естели вы полагаете, что цена остановит гризеток, то поверьте, что муж ваш, почтенный дедушка мой, только заплотит — подороже билет, и это на счет его кармана, ведь он жить не может без своего общества, это доказывает немецкой водевиль³⁸, где у него всегда ложа литерная, абонированная для них». «А что, господа, — спросил общий дядя, — пригласить ли нам артистов в оркестр?» — «Нет, нет, — вскричали многие голоса³⁹. «Разве мы не чувствуем наше ничтожество», — сказал *Le Pointu*, другой сказал, адресуясь к молодому артисту с огромным *soq fâché*⁴⁰ на боку и бриллиантовым перстнем на пальце: «Приятель и друг мой А. — Я скрипку твою почитаю, но смычка не возьму в руки после твоих дивных звуков, которые меня уничтожат». — «*Bah!* — сказал артист с довольным видом. — Дайте мне ваши поместья, и я вам буду фальшить сколько угодно». «Как, — вскричала *m-lle Hélène*, — вы согласились бы взять что-нибудь, чтобы не быть таким дивным артистом и не восхищать публику, я этому не поверю». Все согласились, разобрали всех аматеров, назначили режиссера, того, которой все знает на словах, разбирает всех по местам, сам себя уничтожает, гене-

рал-бас⁴¹ изучил для общей пользы, на всех благородных спектаклях знал, не уча, все роли, и bouche trou⁴² занимает в пьесе, чтобы она шла, как он говорит, — всегда занят, всеми любим, часу, для обеда назначенного, не знает, и везде без церемоний бывает, бранит и хвалит как попало. — Вы думаете, что он ниже или беднее всех. Нет, у него и мать, и отец, и брат, и сестры, и даже жена, и даже служит, и даже в чинах, и дом, и состояние; но так по влечению сам себя отверг от всего; даже до того, что в хлопотах не успел и вырасти. Хотите, он и споет, и представит вам ревность, и невинную девицу, и старика в рубище, и петухом, и кукушкой кричит, но это все не для себя, а чтоб других научить. Дивное создание, m-lle Héléne называет его l'abnégation⁴³; в нем есть частица неаполитанская, англичанина, немецкого колбасника, и подчас дипломат, и по-русски превосходно говорит и пишет, а как ноты пишет! Оперы сочиняет, только не успел пустить их в ход на сцену, некогда. Залу назначили взять у одного из первых вельмож, цену, не так чтоб дорога, и не так чтобы можно было без труда себе позволить это удовольствие, кассиром некто Петр Андреевич, но о том после.

На Фонтанке в одном из богатейших домов, где одна картинная галерея привлекала весь город⁴⁴, назначены были концерты аматоров высшего круга, первая репетиция в ходу, в час по полудни в самой большой зале с колоннами и с хорами слышно было в оркестре окончание увертюры. Оркестр наполнен пестреющими мундирами, сюртуками с аксельбантами и статских, старые и молодые мужчины, хлопотали на возвышении, музыка веселая и легкая, артисты тут превратную роль играли, они слушали!! и подчас улыбались. Тут всех родов артисты были, музыканты, живописцы, поэты, даже архитекторы, все гувернеры, священники иноземных религий, медики и оптики; странное смешение, все это в дружбе, почти на ты. Только русские одного сословия, вот как нельзя определить, что такое за черта неизгладимая между сословиями, одной нации, одной религии, и даже иногда в тесном родстве. — Дамы все вдруг подъехали, что составило нитку, даже в переулке проходу нет, полиция у подъезда; большой свет веселится, выскакивают молодые дамы, девицы, из карет с нотами в руках, кто с гувернанткой, которые сели вместе в другой карете, чтобы повторить заданную им партицию с подругою; а их матери вместе рассуждают о том, как бы выдумать новый туалет для назначенного концерта; и одна у другой занимает бриллианты или какой-нибудь драгоценный убор для платья под цвет, потому что это уже обычай; как ни богат высокий круг, страсть занимать друг у друга то, что кажется лучше своего, иногда и даже

не стоит того, что у себя имеют, и подчас теряется, и чрез то ссорятся, приплачивая втридорога за вещь, чтобы вознаградить потерю, а потом вечно рассказывают приятельницам, посторонним лицам, спустя несколько лет, что такой-то камень был неоцененный, а что такая-то вставила un butor⁴⁵ и чрез то весь убор уничтожен, что ювелир не тот, а что видели камень свой в чужом уборе и проч. — Невзирая на все это, по-старому занимают те же лица и те же дают нехотя и завидуя в тот вечер блеску своих камней на приятельнице. И как все известно в этом кругу, то очень знают все в зале, что чужое на ней и чье оно, но это все нипочем. Дамы в аванзале⁴⁶ расходятся. Diletanti⁴⁷ в концертный зал, а с ними приезжающие в боковую гостиную, где легкие мягкие теплые диваны и кресла их ожидают, с коврами кругом, столики подвижные, шторы пунцовые спущенные; камин в уголку с мраморною доскою и часы на камине с группой Ахилл и Немеиды⁴⁸. Дамы находят всех знакомых своих, жмутся, тут им подают горячий шоколад, они в бархатных и плюшевых шляпках, в теплых сапожках, в шубках, обитых chinchilla или соболем, в бархатных платьях на вате, чтоб после пойти пройтись по Невскому проспекту. — Кто в атласных платьях с турецкими шальями. Тут некоторые поклонники неотступные сидят в уголку, за стулом своей обожательницы, все почти жалуются, что днем их потревожили, кто не выспался. Знакомый нам общий дядя взошел, он только что кончил свою партию в увертюре, берет у них руку и с довольным видом говорит им: «Что, mesdames, пошло все на лад, какую мы вам увертюру сыграем, Валентин единственный, какой смычок! А. ему дал свою скрипку, что за звук, я хочу купить ее». Тут дамы все почти в один голос сказали: «А чтоб вам репетицию назначить вечером, это бы было гораздо спокойнее». — Одна бледная дама сказала жалостным тоном: «Так вставать это мученье», другая в дивной розовой шляпе с пером: «Mon oncle, у меня судороги от зевоты, знаете ли, что я не разберу, во сне или наяву я вас вижу, не могу это определить». Тут черноволосый лев, сидя почти на ее ногах, сказал, шепнув ей на ухо: «Неправда ли, это дурной сон? Вот пробуждение будет ведь когда он возьмется за скрипку А.». — «Ах, перестаньте, не убивайте меня, вы знаете, что я днем прозябаю и сил не чувствую своих на такие ужасы». — Другая, глядя вокруг себя и не находя того, которого ожидала, сказала, зевая: «Нет, я Лиди буду посылать с miss Gnom, эти репетиции смерть моя». В музыкальном зале была суматоха, музыканты составляли morceau d'ensemble⁴⁹, живописцы составляли картину из действующих лиц. Перебирали по росту, по лицам, становили кого на первом плане, кого в тень, даже так строго соблюдали,

что не малейшего оттенка в картине не позволяли, все должно было быть в гармонии, то есть непринужденно и натурально. Солистки с важностью явились после всех, подавали им мягкие кресла, ноты брали они, сидя, у поклонников своих. Palenti хозяйничал, его голос слышен был везде. Трио из Газа Ладра; «O nume benefico»⁵⁰, спет превосходно, Annette, Lise и William, все в восторге. Palenti кричал: «M-lle Julie, сюда, m-me Aline, сюда», для него не было ни чину, ни фамилий, он их всех звал по имени и говорил про них, если был доволен: «C'est un de mes meilleurs sujets»⁵¹. — Надо еще заметить, что он всем своим ученицам и ученикам приказывал глотать свежие яйца перед пением и брал всегда в карман по несколько яиц с собой, а сам выводил в искусственной печи цыплят, которых он продавал своим ученицам, имел привычку называть своих учениц «mes petits poulets»⁵². Но вдруг раздор в оркестре, сопрано с недовольным видом сказала: «У меня голос устанет, если я должна буду петь арию свою после квинтета из Моиза»⁵³. «Правда, — сказал Palenti, — господа в оркестре, начинайте арию из “Семирамиды”»⁵⁴. «Позвольте, позвольте, это нельзя», — сказал режиссер. — Мы еще не определили, с хором ли или без хора будет ваша ария, я роздал хор, это от вас зависит, ma cousine, как вы прикажете?» «Ах, какие вы, — сказала Сопрано небрежно, — натурально с хором. Вы понимаете, что m-lle Hélène петь хотела, а ей не выучить ничего нового, она нас проглотит живых, и вас первого, господин режиссер». — «Хорошо, хорошо, — сказал режиссер. — Вы всегда правы, ma cousine. Mesdames! Господа, на места», — суета, все бегает по лестнице за решетку. «M-lle Hélène», — кричит Palenti, становятся кое-как, никто места своего не нашел. Живописец в отчаянии. «Что это такое, — кричит он снизу, — эффекту никакого нет, m-r Tifi, что вы делаете, m-lle Вава вперед поставить надо, это совершенно мадонническая физиономия, а ее заставляют этой тучной m-lle Hélène с своими короткими ножками, головка у нее как у тортicoli»⁵⁵. Помилуйте, вы встревожили всю картинку». «Как же ее уговорить, — сказал в отчаянии режиссер, — она не захочет становиться назад, я за это не берусь и готов отказаться». «Постойте, сейчас сладим, — сказал Коко, — дайте мне, я поставлю ее назад», и подбежал к m-lle Hélène. «Minute, mon Armide!»⁵⁶ Пожалуйте сюда», — и с значительным видом вызвал ее в сторону, она подбежала, нагнувши головку в прелестной розовой шляпе с цветами, запрятанными марабу»⁵⁷. Турецкой зеленой шаль, и в темном лиловом атласном капоте, облизываясь, как это было ее привычка, когда ее что интересовало. «M-lle Hélène, — сказал с тайным видом Коко, — хотите, я вам приведу вашего незнакомца,

я знаю, кто он такой». «Душичка, mon bijou!⁵⁸ Неужели!» — сказала она с ласковым видом, прижавши пальцы к губам в виде поцелуя. «Точно, — прибавил Коко, — он меня просил местечко где-нибудь в оркестре». «Кто он такой?» — спросила с любопытством m-lle Hélène. «Уж это мой секрет, — сказал с важным видом Коко. — Зовут его Алфред». «Вы не лжете?» — спросила она, подымая грозно пальцы на него. «Божусь и клянусь моей прабабушкой, — отвечал он, — а чтоб его не увидели, станьте назад, я вам его приведу во время концерта. За последствия не отвечаю и говорю вам, что стреляться также не буду». Она дала ему руку с радости и сказала: «Вот тут», прислонясь к стенке. «Прекрасно», — сказал Коко. Вдруг m-lle Hélène вскричала: «А Régisseur, вы знаете, как он несговорчив?.. Он от меня не отстанет, ему непременно хочется, чтобы я везде была в его хорах». «Уж там сделайте с ним, как знаете, я вам его приведу», — и закричал: «Г-н Régisseur, хористка вас требует». Régisseur подбежал; m-lle Hélène с приятною улыбкою подошла к Régisseur и говорит ему нежным голосом: «Не позволите ли вы мне стать назад, я так буду громко петь, что не испорчу хор». «Как можно, — отвечал он, — нельзя никак, вы одна наша надежда, что мы без вас сделаем, вы знаете, что это все не знает ни одной ноты, без вас мы пропали». M-lle Hélène умоляющим взглядом подозвала себе Коко на помощь. Но он серьезно говорит: «Нет, ma cousine, это невозможно, признайтесь, что это бесчеловечно... вы слышите, что вам говорят, мы все жертвуем сами собою для... для... впрочем, я всегда ваша жертва, а вы не хотите поддержать все наше общество». — «Коко, Вы безбожны», — сказала она в отчаянии, — вы знаете, что мне нельзя иначе». Тут живописец вышел из себя, не понимая ничего, говорит: «M-lle Hélène, очень хорошо вздумали, что вы, господа, вот как хорошо; прекрасно; тут у стенки, возле двери, захотите выйти, сейчас и дверь, без хлопот, никого не расстроите». M-lle Hélène расхохоталась: «Délicieux, il est charmant, impayable!»⁵⁹; и так от души захохотала, что многие подошли. Общий дядя сказал: «Il pense à tout, ce cher homme»⁶⁰ — и захохотал. Живописец посмотрел на всех с удивлением: «Я вас не понимаю, Господа», — сказал он, сконфуженной, и обратясь к режиссеру: «Monsieur Tifi, что вы уговариваете, m-lle Hélène, вы знаете, что coup d'œil⁶¹ главное дело, многие ли понимают вашу музыку, а всякой при входе любитесь картиной, естли она поставлена в своем свете». — Устроили все, дамы сняли шляпы свои, остались все в получепцах с цветочками и с ленточками из-под шляп. Широкоплечие высокогрудые маленького роста contralto с левой стороны. С басами и баритонами назади их, — свяженки

с пылкими глазами впереди. Усталые лица назад, стройные в углу, направо сопрано, стройные, бледные и довольные собою, за ними тенора, и все, носящие призвания меломана, в группе впереди. Красавицы, не знающие вытягивать ни одной ноты, но с нотами в руках. Все из боковой сцены сошлись и заняли несколько рядов кресел. Мужья и отцы стояли перед оркестром. Тут капельмейстер лицом к публике перед пюльпетром⁶² с палочкой в руках стоял на особом возвышении. Солис<t>ка — молодая дама, хороша как день, как говорят французы, вот вам ее портрет, — как она в этот день была: стройная, белокурая, маленькое личико, букли à la neige⁶³, причесанная знаменитым Héliot⁶⁴, рот маленькой, верхняя губа немного поднята, и почти никакого расстояния между маленьким ее носом, правильным и раздвоенным, глаза голубые небесные, лоб большой и белой как снег, ножка дивная не патриотическая; платье до верху, лиловое светлое шелковое, шарф светлый зеленой шалевой, с богатым бортом. Ловкая и непринужденная, сапожки узкие под цвет платья отличные, чепчик лиловый цветочками, лорнет на конце гладкий золотой складной, в левой руке маленькие часы на венецианской цепочке в шесть раз обвиты кругом руки, перчатки зеленые водяного цвета, браслеты драгоценные, и с камнями, один из них был подарок мужа ее, имя его камнями изображено, то есть: первая буква каждого камня, acrostiche⁶⁵ его имени, серьги по-тогдашнему длинные, выделанные резьбою, золотые с изумрудом. На лбу фероньерка⁶⁶ изумрудная же; общий дядя подал ей ноты, она улыбнулась, взглянула на мужа, который перед ней стоял с шляпою в руках, и в первый раз приметил, что у него жена недурна. Сбоку стоял молодой адъютант, красивый и стройный блондин, длинный, надменный и очень нарядный, он глядел на солис<t>ку <s> дерзким участием и, казалось, требовал от нее взгляда. Но странно, что наша красавица, поднявши глаза на хоры своим дивным взглядом à la Sontag⁶⁷, что придавало ей еще более красоты, вдруг прояснилась нежданно радость на ее челе. Кто ж это был, как на хорах, где кроме слуг не мог<ло> быть никого, можно было найти существо, одушевляющее нашу светскую аристократическую красавицу. Что ж делать? Это тайна воспитания большого света. Это был сиделец⁶⁸ Alphonse, швейцарец из магазейна. Он по протекции дворецкого попал по задней лестнице на хоры. Ария из Семирамиды была спета — слишком хорошо даже для аматёра, что нередко бесит примадонн, но хористы путались. Коко, bouté de feu⁶⁹, как его называли, имел в предмете бесить капельмейстера и подолее любоваться дивной солис<t>кой, в которую он на сегодняшний день влюбился, и поэто-

му перед тем, что начинать должно было хору всем в одно время, он какой-нибудь вздор отпустит, и дамы, расхохочась тайком, не попали в такт. Капельмейстер своею волшебною тростью несколько раз ударил по полпетру, что значит: соврали. Подбежит к контра<б>там, и опять адресуясь к солис<т>ке: «Point d'orgue! S'il vous plait»⁷⁰. — Она начинает опять. Коко взглянул на хоры и говорит: «Смотрите, Арабка бабушкина стала на ладонь<?> у Карлика». Все взглянули наверх. «Mesdames, mesdames», — закричал капельмейстер и опять похлопал по полпетру. «Коко, пойдите к сопрану», — сказала постарше одна из хористок. Он встал почти на колени, крестом пальцы сложил: «Не буду! Не буду!». И слезы утер, общий хохот. — Наконец опять начинает солис<т>ка. «Point d'orgue. Allez»⁷¹, — вскричал капельмейстер, и все пошло; еще два квинтета и репетиция кончилась. — Как ни казалось все общество дружно было, и заняты все одной мелкою, невинною, изящною, то есть искусством музыка, и общей гармонией, и высокой цели доставить обществу удовольствие, собираться в назначенное время вместе, забывая все домашние удовольствия, и, казалось, даже политика на время оставила в покое хитрых дипломатов, — но не тут-то было! Ни одно существо в этом родственном и дружном обществе не оставило дома своих обычных мыслей. Каждый личину соблюдал и в душе далеко от цели общей был. Разве только наши врожденные меломаны, Вилиам, Анета и Лиза, которые еще не ощущали других чувств, как сильной страсти к музыке. Но перейдем к нашей солис<т>ке, Генеральше, как мы ее назовем, или Алине. Муж ее недавно перешел из провинций в столицу на службу, чтобы сблизиться с семейством. Хотя он каждой год и приезжал с адъютантом в отпуск к жене, но захотелось ему пожить с детьми, адъютант по причине родных своих в Курляндии⁷² приезжал, и оставался сверх срока в отпуске. Кроме того, дом Генерала был из первых в столице на самой высокой ноге, имевший шесть человек малолетних детей, жена его так умела устроить собственный дом свой, что самые короткие знакомые ее и не подозревали их; знаменитой Гам<б>с⁷³ своим архитектором, устроил все, и надо признаться, что комфорт и блеск, царствовал во всяком углу этого дома. Весь дом был занят хозяйкой в Большой Морской⁷⁴, подъездов было четыре, из коих один в воротах для детей. Главной подъезд, где швейцар с булавою стоял в усах, Жозеф, то есть крепостной Осип. Но он так уже привык к своему иностранному имени и к своей чугунной печи, что он забыл, что где-нибудь в другом углу родился, а не в своей швейцарской. Он-то все знал и все скрывал. За печкой была его конурка, и он узнавал

чутьем, к кому выходить и кому сказать, что дома нет. Лестница с бронзовой решеткой по англинскому ковру вела в официанскую. Где большое зеркало и кругом лакированные лавки были, и вешалки для шуб — Жардиньера⁷⁵ с цветами, камин и две двери, одна в большие приемные залы; другая в теплую обитую всю коврами и цветами убранную комнату, по углам этажерки с фарфоровыми приборами, китайскими вазами, этрюски⁷⁶, большое готическое окошко с разноцветными стеклами, где видна была цветочная оранжерея в боку. Портiera тяжелая бархатная скрывала дверь, из этой прихожей входили в большую комнату. Одна стена вся в готических окнах и в простенках во всю длину зеркала, дверь посередине в оранжерейную ротонду, где померанцевые цветы стояли в кадках в цвету и с фруктами, это комната разделена была поперек разными мебелью малинового бархату к свету. Колонны поддерживали потолок и между колоннами были прозрачные ширмы с плющами. Корзинки на столбиках с луковицами, диванчики всех сортов, по стенам этажерки с безделушками, мраморные бюсты семейства в углах, три стола, их коих один письменный со всем припасом для письма в изящном вкусе, всех сортов печаток, бумаг, прессов, два стола, наполненные карикатурами, журналами, рисунками, альбомами и проч. На стенах несколько картин из лучших живописцев, и даже наших первых художников оригинальные портреты во весь рост хозяйки и мужа ее. Виды Италии и Карлсбадских вод, отделанные акварелью^{<ю>}, в ширмах и транспаран, одним словом, было там занятие приезжему, пока хозяйка заставляла его ждать своим небрежным туалетом два часа. Но это днем тут сидели. В той же комнате половина, от колонн отгороженная, для вечера. Камин с зеркалом мраморной, тут мягкие диваны всякого сорта, раздвижные козетки, столики складные, лампы солер, во всех углах transparent⁷⁷ ширмы ручные против огня, мебели vert-de-gris⁷⁸ атласные белого дерева лакированные с мозаиком всех сортов дерев. Тут были chauffeuse⁷⁹ под ногами восточные, где две маленькие мохнатые собачки лежали на своих бархатных подушках, Milord и Pitt. Один привезен посланником каким-то, а другой найденной адъютантом мужа ее; из этой дружелюбной комнаты был боковой выход в ее маленькую, mes amours⁸⁰, как она называла сама эту комнату. Это был угол, весь обитый голубой тафтой, потолком в складках; богатой кивот⁸¹, перед которым теплилась лампада хрустальная в бронзе отделанная с transparent⁸² нарисованными образами на стекле, образов было всяких, и фамильные старинные драгоценные камни, крест с мощами, Мадонна первых художников, католическое распятие, портреты

русских схимников, St. Eustache⁸³, Mater Dolorosa⁸⁴. Возле кивота этажерка резная черного дерева, на которой точно такой же был космополизм. Книги всякого сорта, несколько библий на разных языках, богато отделанные в сафьяне, Страстная седмица; на немецком языке проповедь Госнера⁸⁵ и «Часы благоговения»⁸⁶, Bossuet et Bourdalou⁸⁷, одним словом, все то, что только могло душу наслаждать духовным чтением. Креслы белые золотой отделки, обитые голубым штофом⁸⁸, подушка в ногах, и столик мраморной с мозаиком, привезенный из Рима. Из этой мален<ьк>ой была невидимая дверь в boudoir⁸⁹ нашей красавицы. Полукруглая комната, с розовой мебелью, отделанной в мореном дереве⁹⁰ с бронзой. Большое зеркало во всю стену, везде канделябры с хрустальными колпаками, cassolette⁹¹, где всегда курилось что-то нежное, мягкие розовые диваны в полукруге и большая занавесь с белой бахромой, навешена тут по бокам. Столики также мореного дерева с резьбой, и мозаиком. В ногах — мшистый ковер, круглые низкие креслы, одно готическое окошко с розовой занавескою, портреты aquarelle⁹² ее и некоторых родных ее, часы с чудесною группою рождения Венеры на камине. Стол письменный складной вроде шкапа. На другом столе с разными секретными ящиками под ключом шкатулки богатые разного сорта, пьалы с работой на возвышении у окошка; оттуда в большую нарядную спальную, потом в уборную, девичью, в боковую комнату, из которой была дверь. Куда вела эта дверь? Три ступеньки вниз, и другая теплая лестница наверх к дамам. Спросят: «Куда это вниз?», обыкновенно был ответ на такой вопрос M-lle Hélène: «К мужу на половину». А что такое к мужу на половину? Взойдет с хозяйкой, дверь отворилась в большую библиотеку, где был диван и одно окно на улицу, с прозрачной шторой из библиотеки, большая мужская комната, софа, креслы все сафьяновые на пружинах, письменной стол, другой стол с трубками, сигарами, все арматура на барсовой коже, на стене, в ногах тигровый мех, потом угловая гостиная вся выставлена<?> мебелью, складными ломберными столами, из нее дверь в спальную, а другая в лакейную, и дверь на парадную лестницу, но не на ту, где мы нашли Joseph с булавой, на этой же лестнице — магазин, принадлежащий уже к соседнему дому. Тут-то дверь была сбоку в чистой малой квартире, сидельца нашего Alphonse. Лестница, ведущая из уборной генеральши нашей наверх, по одной лестнице, мужниной половины, был внутренний вид к детям, и нередко эти невинные существа забытые матерью, спасали своим именем в критическую минуту светскую их мать. Она тогда только вспоминала об них, когда именно крайний случай заставлял ее зани-

маться тем, что в природе даже змею заставляет выходить из своей норы, материнское чувство. Но не чувство, а спасение она искала, для преступного ее поступка, но о том мы дальше поговорим. Теперь мы постараемся познакомиться с этой женщиной, которою природа наградила всем, что только человеку на сем мире пожелать можно: в 17 лет она вышла замуж, за молодого человека 25 лет, оба богатые, равно знатные, хороши собой, одного круга общество, одного образа воспитания, но вот именно от последнего они не могли никогда сойтись. — Он был воспитан в Пажеском корпусе, вышел в офицеры, отличился на войне, был ранен, женился, и в свете вел себя беспорочно. Жenu видел с удовольствием и считал себя хорошим мужем. При рождении каждого ребенка делал ей богатые подарки, когда приходилось ему взглянуть в детскую, любовался ими, ласкал их, носил им конфеты, мальчикам покупал большие лошади на пружинах, девочкам подвижные куклы, нянькам дарил платья, браслеты, часы, в день именин или рождения детей. Одним словом, его приезд был общий праздник в детском мире, и жена была ему рада и спокойна. Невзирая на это, Алина воспитана была у отца и матери дома, сперва нянька была у нее немка, потом в девять лет взяли к ней француженку, а в 16 англичанку. Это значит, что до девяти лет она, ездивши с няней в 13-ую линию на Васильевский Остров, она сидела на коленках у гробового мастера, которой, лаская ее, давал ей остатки пунцового бархату на куклу, чтоб она не говорила маминьке своей, что ездит к нему с его материею. С 12-ти лет она кокетничала с французским гувернером и во время уроков словесности сочиняла любовные письма, которые он, смеющийся <ся>, клал в карман. Была абонирована на всех его лекциях, куда она со своею гувернанткой ездила каждую неделю. Тут все юноши обоого пола съезжались <со> своими наставниками, дети все между собой на просторе разговаривали, сидели вместе, знакомились и приучались давать себе свидание. Пока их наставники и наставницы на свободе перебирали своих господ и платили сплетнями и клеветали <за> хлеб насущной, который им так радушно в совершенном комфорте давали. Тут уже был мир наставников и наставниц. Невзирая на то, что дети тут были и слушали все слова их, бранили в очередь родителей вслух. Нередко в этих часах уже взрослая сердцем не <в> зарослом теле слышала такие тайны своего семейства, что навек чувства признательности к ним обращались в ненависть или презрение. Когда наша героиня взошла в тот возраст, что надобно было ей гулять по Невскому и быть на некоторых семейных вечерах, где мать ее не намерена была с ней выезжать, то взяли к ней англичанку. — Англичанки по-

добны своему отечеству, неприметно во все мешаются, мутят воду, чтобы рыбу удить. У нее копейка приносит верной доход. Пока она сама влюбляет в себя мужа, отца или брата своей воспитанницы, она, получая подати из некоторых известных магазейнов, куда она искусно ведет их, и наговаривая во всю дорогу, гуляя с ней по набережной, заводит ее в магазейн, где сиделец, предупрежденный, играет свою роль, и тут завязывается роман, который приносит англичанке награду, или шляпку, или мантили, и проч. Это все не мешает ей же устроить приличным образом судьбу своей ученицы. Поэтому Али-на наша сделалась без препятствия по желанию родителя ее и по предложению самого ее жениха его супругою, и каждой год у них были дети. И вот уже седьмой год как она безоблачно живет с мужем — Муж служил в провинции, каждый год приезжал или по службе, или в отпуск к жене в столицу, каждый раз ей писал, когда намерен выехать. Она его принимала с видимым удовольствием, провожала со слезами и в душе признавалась, что не желала бы другой судьбы. Но все это не мешало ей наслаждаться вполне счастьем с милым ее Alphonse, которого она постоянно любила и поддерживала все издержки, которые он говорил ей делал, чтоб казаться перед ней тем, чем она его любила, то есть веселым и красивым брюнетом, имея с ней свидания в Коломне <в> маленькой уютной комнате в хорошенькой квартире, отделанной ею. — Генерал имел адъютанта, да, адъютанта, что ж тут диковинка, и адъютант этот был влюблен в генеральшу, что ж тут мудреного, но что смешно, это то, что он взаимно был любим, тут опять ничего нет странного. Эта правда, так создан свет. Барон этот был русской немец, мать у него жила давно овдовевшей в своем замке. Она определила его на службу, и отправляя его в полк подпрапорщиком в столицу, она ему сказала эти заветные слова: «Долги я твои не буду платить, потому что мне не с чего взять. Живи одним жалованьем в казармах, как жил твой отец, старайся знакомиться и сблизиться с людьми богатыми, имеющими вес в свете, где родители их могут быть тебе полезны. И открыть тебе дорогу <к> высокому поприщу. — Не забывай цель твоей жизни, будь сам собой всегда доволен; и не надейся ни на кого и избегай все случаи, где бы тебе можно было быть замеченному <в> чужих проказах, будь знаком, короток, но не дружись ни с кем. Барон исполнял в точности эти слова, не был никогда наказан; рос, как растут все немцы, не по дням, а по часам. Каждую весну лежал он в горячке, после чего он еще свежее становился и вершком прибавлялся. К верху он был хорош, и так хорош, что никто не оспаривал его красоты. Смотрел равнодушно на все, ходил каждое

воскресенье в Анинскую церкву⁹³, слушал проповедь со вниманием и проходил мимо своих соотечественниц, не удостоив их даже взглядом. Он знал, что судьба в его руках, а что тут ничего ему не выигрывать. Он невидимым образом сделался общим знакомым большого света. Когда и кто его туда вел, нельзя было определить. Но он был везде принят, и даже хорошо принят. Жил он в Миллионной⁹⁴, но дома не бывал, кроме ночи. Так что никто не знал, как он жил у себя. В 22 года бывший в отпуску у матери своей, совет, которой она ему дала, был преоригинальной. «Милый Андреас, — говорила она, — ты хорош собою, свеж и здоров, тебе понравиться не трудно, только не попадайся до времени, тебе надобно устроить свою судьбу равнодушно. Вот мой совет тебе, постарайся связаться с молодой дамой, не вдовой, смотри, будь скромн, постоянен, не знайся с другими женщинами, это очень полирует молодого человека и дает весу ему в свете. Тут ты успеешь рассмотреть всю обществу, и тогда выберешь себе девицу, на которой ты женишься — чтобы родные ее могли тебя поддержать на службе. И чтоб у нее состояние было соответственно твоей цели. — Старайся выбирать знатную и с хорошими связями родственными девицу, а тогда, когда устроишься и повезет тебе, тогда и вознаградишь прошедшее время, все с рук сойдет богатому и знатному. — Поверь мне, порок только примечают за ничтожными и бедными людьми». Он своей матушке перебрал всех дам высшего круга. И придумали: у генерала был адъютант, женатой кутила, долгов много, и, кажется, им недовольны, вот славное место. Генеральша хороша, в моде, богата и родня со всеми девицами большого света. Сделали, как приехал в столицу: столкнул прежнего адъютанта, службу, которая его сблизила с генеральшей. Наружность его, все это <в>скружило голову молодой женщине, ей было весело в обществе, что поклонник ее возбуждавший ревность в сердцах ее соперниц, открыто посвящал все свои минуты ей, изучал все ее желания, предупреждал все ее капризы, одним словом, это новое чувство, которому она предалась как дитя. Притом он не возбуждал ревности мужа ее, потому что не бывал почти при нем дома, генерал любил в карты играть, и, хотя и выезжал с женою, но расходился с ней при входе, так что ему и не приходило в голову что адъютант его может заниматься женой его. Барон неприметным образом дошел до цели своей, однажды, оставшись еще в столице после отъезда генерала, живши у него в доме, он сделался болен в горячке, в бреду он так красноречиво выразил свою страсть, что добрая Алина не могла ему отказать в своем участии, и так она почти переселилась на половину, которую мы тайком открыли. Со дня

на день она более и более позволяла больному, и наконец Барон был уже уверен, что она над ним не посмеется. Два года уже как⁹⁵ <...> этой женщины была ее *factotum*⁹⁶ управляющий Петр Андреич. Наш немец это узнал и познакомился с ним. У сестры Лили было предубеждение многих дам. Она женщин не любила и доверяла все свои тайны своему управляющему, полагая, что мужчина свято сдержит чужую тайну, хотя и откровенен насчет себя. Петр Андреич, отставной губернской секретарь, шляхтич, управлял всем имением Анны Дмитриевны, сестры Лили. Он-то все доставлял, покупал, продавал, деньги отдавал ее в проценты под своим именем и пользовался неустойками в ее пользу. Надобно прибавить, что наша львица была скупа, это, скажут, невероятно, что дама высшего круга в 22 года была скупа, что делать, правда глаза колет. Она любила денежки и в карты играла страстно, что мы после докажем. Но мы еще не уехали из репетиций. Все дамы сошлись в боковую залу, где на вешалках висели все шубы, кавалеры подавали теплые башмаки. Генерал нагнулся и надел сам жене теплые башмаки и подал ей шубу, за что она ему руку дружески пожала. Кавалеры отбирали ноты у дам из рук, чтобы передавать их лакеям у подъезда. Коко взял ноты у Алины из рук. — Разъехались все, кто домой, кто на Невской проспект, Коко приехал с Невской обедать у m-lle Hélène. — Жаль, что мы еще не познакомимся со всеми лицами нашей повести, и нехотя должны останавливаться на всяком шагу. M-lle Hélène была старшая дочь полного генерала из первых вельмож, старший в роде, женатый на любимой дочери также богатых и знатных родителей, при множестве бездетных дядей и теток, от которых должно им было получить наследство. Когда родилась у них дочь, Елена Дмитриевна, все родственники делали ей разные драгоценные подарки, кто записывал ей по духовному свои бриллианты, кто 1000 душ, одним словом, десять лет Елена Дмитриевна была игрушкою своего семейства, после этого времени родился у нее брат, Борис Дмитриевич, которого звали Валентином, не знаю почему. Мать ее скончалась в родах, и вскоре и отец последовал за нею. Имение осталось огромное, опекунов и родственников без счету. Тетушка, сама богатая, призрела сирот, брат подрос, Елене Дмитриевне пора замуж выйти. Но трудно было ей найти жениха, она недурна собою, первой знати, очень богатая, воспитания отличного, съездила на три года в Париж с теткою, за старого ей не хотелось самой выйти, молодые не довольны в чинах. Конечно, если б ей оставили чувство чего-нибудь пожелать, не предупреждая все ее мысли и не изгладя так перед ней путь, что она и хотеть не умела. Не давали ей даже и задуматься, так что сде-

лали из нее существо неопределенное, проводя весь свой век в рассеянии, она вдруг перешла за тридцать лет, не примечая времени, потом брат ее женился на вдове из Берлина, корыстолюбивой, своенравной, ревнивой, старше его, которая мужа взяла в руки. После смерти тетки Елена Дмитриевна переехала к брату жить, нрав ее невес<т>ки ее испугал, не отдавая себе отчету, она ее боялась как дитя, жалела брата и отказывала понемногу, не понимая сама, что от нее требуют, самое лучшее ее поместье, она очень хотела замуж выйти, но невес<т>ка ее, которая боялась выпустить из рук ее наследство, всячески интриговала против нее, она ей нашла по сердцу англичанку, которая тешила ее как ребенка разными незнакомыми предметами, передавала ей записочки от разных лиц, одним словом, дурачила ее так, что все над ней смеялись, а m-lle Hélène не была глупа, но так неопытна, как дитя. Привыкши к лести, она не могла пережить, что над ней смеются. Она до 45 лет прожила так, как другая в 14 лет не проживет, зато за ней следили как ни за какой институткой. Вот что значит корыстолюбие и жадность к деньгам большого света. Брат ее под властью жены своей, которая кредитом своим при дворе поддерживала его, и с другой стороны выказывала ему бедность и о тщете должное дать мужу сестры его. — Когда теперь они жили с четырьмя детьми в собственном ее доме и на ее счет, он видел, что над ней смеялись в свете, но как он знал, что этим одним она не выйдет замуж, то он усыплял эгоизмом участие, которое он должен был принять в родной сестре своей. Мы взошли в столовую с Коко в дом Валентина Дмитриевича, где семейство его <с> живущими домашними сидело за круглым столом и обедало. Хозяйка сама разливала суп, разговаривали про репетиции, m-lle Hélène тут сказала: «Я Вас не понимаю, cousin, что вам вздумалось отбивать Алину у барона, эта интрига по своему постоянству conjugal⁹⁷ сделалась, грех вам». Коко объявил <с> жаром, что он никогда не видывал женщину, которая так много имеет в себе обворожительного. Что это царский кусок, что невозможно, чтоб кто-нибудь завладел ею. Miss Whight с досадой отвернулась, и увидя ноты на столе, она сказала: «Вот ноты вашего предмета, я бьюсь об заклад, что вы их у нее украли». «А! — вскричал Коко, — я и забыл», — и схватил их, и положил их к себе на колена. «Уж я их даром не отдам», — прибавил он. «Что ж вы, с бароном сбираетесь стреляться?» — спросила хозяйка с презрением. M-lle Hélène прибавила: «Алина вам это никогда не простит». Коко с досадою, нагнувшись к ней на ухо, сказал: «Естьли вы еще будете говорить про барона, вам век не узнать, кто ваш незнакомый предмет, и я его в оркестр не пушу». M-lle

Hélène, с ужасом обратясь к Miss Whight, сказала вполголоса: «Я его знаю, он готов сделать, как сказал», — и потом обернулась ласково: «Коко, успокойтесь, не только не буду вам вспоминать, что у вас есть соперник, но даже спою после обеда вам всю партию вашего соловья». «Нет, не пересолите, ваши милости», — отвечал он, — «а *gi-tournelle*⁹⁸ и *cadenza*⁹⁹ мне сыграйте, вы знаете», — и поцеловал у нее ручку. «Смешно, — сказал Валентин, — что муж ее даже ничего не подозревает, он так уверен в своей собственной красоте, что совершенно спокоен за свою половину, я уверен, что он и не поверит никогда этому». — «А я думаю, — прибавила хозяйка, — что он ее убьет, естли узнает». Miss Whight с удовольствием посмотрела на Коко и на книгу, где был золотыми буквами вензель Алины. Коко значительно засмеялся. «Послушайте, естли я женюсь, вот будут мои кондиции, — сказал он, — во-первых, чтоб жена была не ревнивая, потом чтоб она не спрашивала меня о прошедшем и естли она захочет мне давать соперников, чтоб они были веселые малые и не слишком щекотливые насчет постоянства, и чтобы с ними было бы весело жить. Вы слышите, miss Whight, не правда ли, что быть моею женою выгодно?» — «Может быть, — отвечала гордо miss Whight, — но не так легко быть невес<т>кою вашей матушки». «А что, — сказал Валентин, — коли он по батюшке то будет самой покорной муж, вот его отец уже тешит 23 года жену, которая вздумала ему предложить для шутки прослыть сумасшедшим, и все ждет, когда жена перестанет шутить, а она его заперла не на шутку, и в цепях в деревне держит». — «Какой в цепях, — сказал с неудовольствием Коко, — он свободно сидит в своей комнате, и так не сумасшедший, что в меня чуть стул не бросил, естли бы его дядька не схватил бы его». M-He Hélène спросила с участием: «Он очень страшен?» Коко равнодушно и с улыбкою сказал: «Вот что я придумал, напишу пером из лавы огненным почерком письмо к Алине, что я ей без кондиций не отдам ее книгу». — «Какие же эти кондиции?» — спросила хозяйка. — «Пусть она мне вручит все письма барона, которые я берусь сжечь при ней». — «Неужели вы полагаете, что у нее точно есть письма дома», — сказала с насмешливым тоном хозяйка, — вероятно, их уже нет для вас». — «*Bonjour, mes amis*»¹⁰⁰, — сказал, входя в комнату, генерал нам знакомый, весь в орденах. «*Bonjour, mon cousin*»¹⁰¹, — сказали все в один голос, не вставая. Генерал ко всем сам подошел, подал каждому руку, кого поцеловал в щеку; хозяйка спросила: «Хотите обедать?» — «Нет, я <к> князю В., вы знаете, он англоман и в 8-ом часу обедает. А я кусок съем, этот *consomme*»¹⁰² в моем вкусе. Человек, дай прибор, пожалуйста, и возьми мою шпагу, — тут он

снял с себя шпагу и шляпу, отдал человеку, — так устал, с 6-ти часов на ногах, после нашей провинциальной службы, здесь нехотя поху-деем. Какая у вас здесь тоска. Валентин, дай мне, братец, твоего вина». — «Пейте, mon cousin, это славное вино, вы помните, мы с вами вместе купили его у этого несчастного швейцарца, который под нашим именем провез его в коляске чрез границу». — «А, знаю, я ему место здесь нашел», — сказал генерал. «Где?» — спросил хозяин, генерал отвечал: «Он здесь уже давно был, но не знаю, по какому случаю, уезжал. Я его поместил в магазин сидельцем возле моего дома у ювелира, Alphonse, он не дурен собою, роста огромного — жаль, что не пошел в рекруты, я ему предлагал это, но нет, “je ne sers que ma patrie”¹⁰³, а что за patrie? Нанимаются служить во Францию, не то ли, что у нас, он с нами на пароходе познакомился, когда мы с женою возвращались из Карлсбада. Как я устал, — прибавил он, — рана моя чувствует перемену погоды, это мой барометр, хочу проситься на воды за границу или на Кавказ». «А! Приятель, вспомнил, — сказал он, обратясь <к> Коко, — ты молодец, взял у жены моей ноты». — «Точно так, превосходительной, но не отдал их», — отвечал Коко. — «Полно, братец, кто ж тебе поверит, вперед знают, что ты врешь. А я тебе скажу, что Алина велела тебе сказать, чтоб ты не пачкал ее книгу твоими карикатурами или не намарал бы ей каких-нибудь стихов. Не то я тебе уши обрежу». — «Будьте спокойны, — сказал Коко, отдавая ему книгу, — вот вам ее так, как я ее получил, при свидетелях. Вы видите, что я за свои уши крепко держусь и не хочу вам их пожертвовать, даже на жаркое для царицы Romaré¹⁰⁴ наподобие нашего Paul Miné¹⁰⁵». M-lle Hélène с усмешкою сказала: «Как, уже сдаетесь, без бою?» — «Погодите», — отвечал он ей значительным образом. Генерал человеку отдал тетрадь и велел положить ее к себе в сани. Встали со стола, прошли боковую угловую комнату, где горел огонь в камине; мимо большой гостиной прошли, где все мебели были покрытыми большими чехлами, что походило на сцену пробуждения Роберти. В угловой комнате были мягкие диваны, очень низкие, несколько креслов, обитых сафьяном, на пружинах, с подушками на ногах, теплые ковры, вышитые мебели, портьера, вышитая полосами по канве бархатом. В углу попугай в клетке, портрет семейный, пальцы у окна на возвышении, в углу нарядная шашечница на столе, лампы под стеклянными колпаками, вместо двери в боковую комнату — большое зеркало. Этажерки с фигурами китайскими и разными карикатурными бюстами, висящая этажерка с новыми романами. — M-lle Hélène спросила: «Алина у себя сегодня вечером, mon cousin?» — «Я уверен, что она дома бу-

дет», — отвечал генерал и пошел в столовую, надел шпагу, взял шляпу и, не простясь ни с кем, ушел. Зеркальная дверь отворилась, и взошел учитель М-г. М. в ту самую минуту, как подавали кофе. «Холодно», — сказал он, потирая руки, хотя он из внутренних комнат взошел после уроку. «Возьмите чашку кофе», — сказала хозяйка. Он с своей чашкой сел в угол камину и, взяв кусок сахара с подноса, забавлял собачку, которая прыгала пред ним. Общее молчание. Хозяйка спросила вежливым тоном: «Довольны ли вы Nancy?» — «Очень доволен», — отвечал М-г. М. — M-lle Nancy начинает уже очень хорошо понимать, что она читает». M-lle Hélène сказала с улыбкою: «Такого учителя нетрудно понимать. Я сама всегда с удовольствием прислушиваюсь к вашим урокам». М-г. М. серьезно поклонился. «Вы куда теперь, М-г. М.?», — спросила хозяйка. М-г. М. понял, что ему пора уйти, он взял шляпу и, поклонившись, сказал: «К княжне Лили». — «А!» — Она поклонилась ему очень дружно, miss Whight прежде вышла из комнаты и в официантской, где М-г. М. надевал шубу, сказала второпях: «Знаете, что ваша protégé¹⁰⁶ в опасности. Коко хочет сыграть шутку генеральше и барона самого вывести перед мужем». М-г. М. спросил с участием: «А барон знает что-нибудь?» «Нет, — сказала она, — я сама не знаю даже, в чем дело». — «Хорошо, я к нему зайду», — сказал он и вышел на лестницу. Miss Whight постояла у окошка и потом сказала сердито: «Хорошо, пусть же эта Сирена пострадает».

¹ Благородное собрание (Благородное танцевальное собрание) — петербургское общественное учреждение, основанное в 1782 г. членами двух других обществ (называлось до 1845 г. Клубом соединенных обществ), устраивало балы, маскарады, танцевальные вечера и концерты, в том числе благотворительные. Помещалось в домах Коссиковского, Энгельгардта, Пашкова на Литейном [19, с. 19]. А.В. Никитенко записал в дневнике 16 февраля 1843 г.: «Был в маскараде, в так называемом “соединенном обществе”, куда поехал из любопытства. Толпа страшная. Тут собираются люди среднего общества. Правда, сюда не ездят люди высокопоставленные...» (Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. [М.]: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 263).

² Чуют себе подобных (фр.).

³ Музыкальные вечера — важнейшая составляющая культурной жизни Петербурга XIX в. В них участвовали отечественные артисты-любители и иностранные светила музыкального мира; наряду с выступлениями солистов на различных инструментах (фортепьяно, скрипке, виолончели, арфе, флейте и др.) и вокалистов, процветали камерные инструментальные ансамбли, главным образом квартеты [19, с. 63]. Симфоническая музыка исполнялась у графов Висельгорских: виолончелиста и певца Матвея Юрьевича (1794–1866) и скрипача, пианиста, композитора, певца Михаила Юрьевича (1788–1856), а также у скрипача-любителя, дирижера, композитора, директора Придворной певческой капеллы А.Ф. Львова (1798–1870). О музицировании в доме Львовых писал в дневнике И.В. Вуич, бывавший у них в 1829 г.: вечер «начался домашним спектаклем», «в оркестре играли

два брата Львовы», «после спектакля начались танцы»; «две сестры Львовы, у которых голоса прелестные, пели и играли на фортепиано <...> к 10-ти часам начали мало-помалу съезжаться еще дамы, начались танцы»; Алексей Федорович Львов <...> играл на скрипке некоторые русские песни, и — прелесть игры его совершенно невозможно описать. Инструмент в руках его кажется одушевленным. Все тоны так чисты, так сильны, выражение так приятно, что невозможно слышать его без восхищения» [2, с. 181–182]; см. также: [15, с. 301–302]. Кроме названных музыкальных салонов Виельгорских и Львова, музыкальных вечеров М.И. Глинки и А.С. Даргомыжского, существовало множество других. Например, в первой четверти XIX в. вечера проходили у Г.Р. Державина, Д.Л. Нарышкина, А. Раля, Салтыковых, А.Г. Теплова, А.Н. Титова, Е.К. Сиверса и проч. Известны, помимо этого, более 50 любителей музыки из разных слоев общества, которые регулярно устраивали вечера в конце 1820–1850-х гг. (см. подробнее: [19, с. 63–65]).

⁴ Речь идет о выступлениях музыкантов-любителей, которым принадлежность к дворянству не позволяла являться в коммерческих концертах, хотя «по таланту и мастерству» они зачастую не уступали профессионалам [19, с. 19]. О «глупом» предрассудке «против касты сословных сценических артистов», препятствующем талантливым представителям дворянского сословия избирать профессиональную карьеру певца или музыканта-исполнителя, писал композитор и музыкант Ю.К. Арнольд: «...это предубеждение до того сильно вкоренилось, что даже и либеральнейшие люди, хотя вслух и порицали тупость этих взглядов, хотя весьма радушно принимали сценических артистов в семейных своих кругах и даже дружились с ними, но все-таки никоим образом не решились бы дозволить сыну или брату поступить на сцену, а того менее дочери или сестре выйти замуж за «артиста-комедианта» (*Арнольд Ю.К.* Воспоминания: в 3 вып. М., 1892. Вып. 1. С. 25). К числу одаренных музыкантов-любителей принадлежали М.И. Глинка, Матв. Ю. Виельгорский, Мих. Ю. Виельгорский, А.С. Даргомыжский, А.Ф. Львов, П.А. Бартенева и др. О составе исполнителей и репертуаре концертов, проводимых любителями, обычно с благотворительной целью, позволяет судить журнальное сообщение об одном из них, состоявшемся в 1831 г.: «Мы насладились восхитительнейшим концертом, данным вчера *в пользу училищ для бедных*, в котором участвовали почти все находящиеся теперь в Петербурге известнейшие любительницы и любители музыки. Концерт, данный с прекрасною целью, исполнен был прекрасно. Чтобы ты мог судить о его составе, означая подробно все пьесы. *Часть первая.* 1. Увертюра д'Обера из Оперы: *Немая в Портитчи*. 2. Хор из Семирамиды, Россини. 3. Поп-пурри de Czerui, исполненное господами Балабиниными, Хвостовою и Дивовою. 4. Дуо de Celli, исполненное девицами Лисянскими. 5. Соло на скрипке, соч. А.Ф. Львовым, играно самим автором. 6. Дуо из Семирамиды исполнено девицею Ворониною и госпжою Алексеевою. *Часть вторая.* 1. Увертюра из Вильгельма Теля, Россини. 2. Дуо из оперы: *l'Ultimo giorno di Pompei*, Россини, исполнено девицею Лисянскою и графом Гритти. 3. Соло Ромберга на виолончеле играно графом Виельгорским. 4. Дуо из Семирамиды исполнено девицею Ворониною и г. Пашковым. 5. Соло на арфе играла девица Шкурина. 6. Хор из *Осады Коринфа*, Россини; соло в нем исполнил князь Волконский. — В хорах участвовали: *soprani primo*: графиня Шувалова, княжна Волконская, графиня Шуазель, девицы Бибицова, Балабина, Львова, Воронина, Оленина, Васильчикова, Лисянская, Мухина, Бакунина, княжна Трубецкая и графиня Моден; *soprani secundo*: девицы Васильчикова, Новосильцова, Лисянская, Графиня Моден (*Sophie*), госпжи Дивова, Оленина, Алексеева, Пашкова и Киселевская; *tenore*: князя Голицын и Одоевский, г.г. Толстой, Яковлев Барон Искуль; *basso*: г.г. Пашков, Норотморцов, Толстой, Графы Соллогуб и Гритти. — Присоедини к сему хор г.г. придворных певчих, и ты можешь получить понятие о *составе* сего концерта...» (Гирлянда. 1831. Ч. 1, № 6. Смесь. С. 160–161). Организаторами концертов часто являлись общества: Филармоническое, Музыкальная академия, Женское патриотическое и др.; слушателям предлагалось приобрести входные билеты. Публика нередко посещала и репе-

тиции — см. записи в дневнике А.В. Никитенко (*Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. [М.]: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 72–75*); о концертах см. также дневник Иосифа Михайловича Виельгорского (1817–1839) за 1838 г. [15, с. 263–264, 274, 276–280, 302].

⁵ В 1828 г. в Петербурге почти в одно и то же время были образованы два конкурирующих музыкальных общества, устраивающих концерты музыкантов-любителей. См. рассказ об одном из них («Музыкальной академии» Львовых) в дневнике А.В. Никитенко: «Был в концерте. Здесь учредилась “Музыкальная академия”, преимущественно стараниями господ Львовых, все семейство которых состоит из отличнейших музыкантов. Действительные, то есть играющие или поющие члены этой академии, все аматеры, в том числе и девицы. Сегодня сия академия дала свой первый концерт в зале <А.Г.> Кушелева-Безбородко, что в Почтамтской. Пели три девицы знатных фамилий. Прекрасные голоса! Старший, <А.Ф.> Львов привел всех в восторг игрой на скрипке; меньшей тоже превосходно играл на виолончели. Концерт кончился почти в десять часов...» (*Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. [М.]: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 67*; запись от 5 февраля 1828 г.). 4 марта 1828 г. Никитенко побывал на репетиции другого общества («Общества любителей музыки», или «Нарышкинской музыкальной академии») и перечислил в дневнике его отличия от «Музыкальной академии» Львовых: «Опять на репетиции в так называемой нарышкинской музыкальной академии, которая учредилась почти в одно время с львовскою. Последнюю составляют отличнейшие по талантам аматеры столицы, без разбора и положения в свете. Первая состоит из блестящей знати или так называемого “бонжана”. В ней принимают также участие артисты, тогда как в львовскую академию они не допускаются даже в качестве слушателей во время концертов. Естественно, эти два музыкальных учреждения соперничают между собой. Львовская академия берет перевес талантами своих членов, особенно самих господ Львовых. Немало блеска сообщают ей также придворные певчие, которыми управляет старик Львов. Академия нарышкинская называется так потому, что дает свои концерты в великолепной зале обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина. Ее отличительные черты: знатность членов, блестящее освещение, многочисленный оркестр и роскошное угощение, которое совсем отсутствует в первой академии. Но и в нарышкинской есть несколько хороших певцов, например господин Пашков, отличный тенорист, девицы Медянские и т. д.» (Там же. С. 73–74).

⁶ «Оберон, или Клятва короля эльфов» — опера К.М. фон Вебера (1826).

⁷ Один из петербургских меломанов старшего поколения барон А.А. Раль (Ралль, 1756–1832 или 1833), придворный банкир, к концу жизни разорился и был обременен долгами. Он входил в число основателей Филармонического общества, которое упоминается далее; играл на скрипке и фортепьяно. Жена — Елизавета Николаевна Молво (Елизабет фон Раль, 1768–1843). См. о нем: [11, с. 205–211]. Однако «всеобщим дядей», скорее, мог быть назван представитель какого-нибудь многочисленного музыкального семейства, несколько поколений которого участвовали в концертах.

⁸ Вероятно, имеется в виду один из учителей пения итальянского происхождения, живших в России и дававших частные уроки, например К.А. Кавос (1775/1777–1840), И.К. Кавос (1805–1861), Н. Джулиани (2-я половина XVIII в. — не ранее 1862), П.А. Сапиенца (1786–1860), А. Сапиенца (1794–1855) [19, с. 128, 133, 164, 165]. К.А. Кавос, композитор, дирижер, капельмейстер, руководил оркестром «Общества любителей музыки», или «Нарышкинской музыкальной академии», проводящей концерты в доме Д.Л. Нарышкина. Побывав на репетиции одного из них, А.В. Никитенко записал в дневнике 4 марта 1828 г.: «Оркестр уже гремел, когда мы вошли: играли какую-то увертюру. Впереди других музыкантов стоял небольшой толстячок: он весь трясся, подпрыгивал, размахивал руками и по временам пронзительно вскрикивал: “Пиано”. Это известный К.А. Кавос, дирижирующий в здешней академии оркестром» (*Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. [М.]: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 74*).

⁹ «La gazza ladra» — опера Дж. Россини «Сорока-воровка, или Опасность судить по наружности».

¹⁰ «Очаровательно, очаровательно, мои соловушки» (фр.).

¹¹ Dos-à-dos — спиной друг к другу.

¹² А.В. Никитенко так описывает убранство дома Д.Л. Нарышкина, в котором проходили репетиции и концерты музыкального общества: «Зала академии поразила меня размерами и великолепием: везде мрамор и позолота. <...> Насладившись пением, мы со Штеричем пошли осматривать комнаты Нарышкина. Какое богатство, какая роскошь и сколько во всем вкуса и изящества! Зеркала, вазы; картины, бронза, бархат и штоф расположены самыми живописными группами и узорами. По маленькой, обитой роскошными коврами лестнице мы сошли в баню: в ней пристало купаться грациям. У стены обитый штофом диван, или, вернее, широкое ложе, вдоль стен зеркала. <...> Несколько дам уже расхаживали по богато убранным комнатам. В первой из них стояли, выстроясь в два ряда, лакеи и арапы в блестящих ливреях» (*Никитенко А.В.* *Дневник*: в 3 т. [М.]: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 74–75).

¹³ Дядюшка (фр.).

¹⁴ Остряк (фр.).

¹⁵ Мой добрый дядюшка (фр.).

¹⁶ К числу музыкантов-любителей, имевших княжеский титул, относились Г.П. и М.Д. Волконские, Н.Б., Ю.Н., А.С., В.П., С.Г. и Л.Г. Голицыны, В.Ф. Одоевский, Н.Б. и Б.Н. Юсуповы; о ком здесь идет речь, неизвестно.

¹⁷ Санкт-Петербургское филармоническое общество основано в 1802 г. с благотворительной целью, первоначально называлось «Кассой музыкальных вдов». На его концертах исполнялись крупные ораториальные произведения, большинство из которых можно было услышать только там; видное место в программах занимали Гайдн и Бетховен. «...Между музыкантами у нас одно Филармоническое общество поддерживает музыку на степени художества, распространяет хороший вкус и возвышает музыкальное образование слушателей», — писал В.Ф. Одоевский (*Одоевский В.Ф.* *Музыкально-литературное наследие*. М.: МУЗГИЗ, 1956. С. 144).

¹⁸ Толстяк (фр.).

¹⁹ Кузен и кузина (фр.).

²⁰ Малышка (фр.).

²¹ Цвета бычьей крови (фр.).

²² Камлот — шерстяная или хлопчатобумажная ткань. «Дорогие сорта камлота ткали из верблюжьей или ангорской шерсти с примесью шелка, дававшей рыхлое, мягкое полотно», более дешевые сорта изготавливались из хлопчатобумажного полотна [10, с. 97].

²³ «Старый добрый пустомеля» (фр.).

²⁴ Обращение «Ваше Высокопревосходительство» относилось к лицам в чинах 1-го и 2-го класса Табели о рангах.

²⁵ Фантазия для фортепиано, хора и оркестра Л. ван Бетховена (1808) исполнялась в Петербурге в 1813 и 1822 гг. См. сообщение о концерте в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 14 марта 1822 г.: «В среду, 15 марта, <...> г-н Майер на фортепиано фантазию с хором, соч. г-на Бетховена» (№ 21. Первое прибавление. С. 284). Придворные певчие — певчие Придворной певческой капеллы — нередко принимали участие в благотворительных концертах и концертах музыкальных обществ. Директором Придворной певческой капеллы с 1826 г. был Ф.П. Львов, с 1837 г. — его сын А.Ф. Львов, капельмейстером в 1837–1839 гг. — М.И. Глинка.

²⁶ Известный петербургский Английский магазин находился на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы. «В нескольких больших отделах этого

заведения продавались различные товары, в основном заграничного производства: изделия мануфактуры, косметические и туалетные принадлежности, кожа, плащи, бронза, серебро, фарфор <...> Английский магазин славился не только широтой ассортимента, но и качеством товара» [1, т. 2, с. 24].

²⁷ Сиделец – приказчик, продавец в лавке или магазине.

²⁸ Моя любовь (фр.).

²⁹ Возможно, имеется в виду князь Сергей Григорьевич Голицын (1803–1868) по прозвищу Фирс. Он был известен в обществе «любезностию, остроумием и талантами», как «очень приятный музыкант и стихотворец», отличался (как и Коко, названный далее «очень длинным») высоким ростом (*Лонгинов М.Н. Сочинения Михаила Николаевича Лонгинова. М.: Изд. Л.Э. Бухгейма, 1915. Т. 1. С. 513*).

³⁰ Бабушка (фр.).

³¹ Роббер — круг игры в висте и некоторых других карточных играх.

³² Устав был впервые издан в 1807 г.: Устав Вдовьей и сиротской кассы Филармонического общества, учрежденного с высочайшего соизволения в 1802 году в Санкт-Петербурге. СПб.: печатано в тип. Иверсена, 1807. Он пересматривался в 1832, 1844, 1865 гг. и позднее [20, с. 297].

³³ Возможно, намек на М.И. Глинку (1804–1857), который участвовал как певец и пианист в петербургских благотворительных концертах и музыкальных вечерах [19, с. 118]. Он отличался небольшим ростом и слабым здоровьем. «Был он маленький, худенький, бледный», — вспоминал П.А. Степанов, познакомившийся с Глинкой в 1825 г. (Глинка в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 54). Ю.А. Копьев, брат В.А. Брюн, состоял с ним в приятельских отношениях. Здесь также может подразумеваться композитор, пианист, скрипач и альтист, певец и учитель пения, участник благотворительных концертов А.С. Даргомыжский (1813–1869): «Ростом он был не выше Глинки, но не так строен, а голова его казалась еще более превышавшею общую пропорцию, так как верхняя часть ее расходилась в ширину. Выступающие скулы, немного вздернутый и притом слегка приплюснутый нос, довольно толстые губы, небольшие, как бы несколько прищуренные глаза, курчавые, но тщательно слева направо причесанные, темно-русые волосы, и весьма реденькие, маленькие усики придавали желто-матовому, как бы болезненному лицу какой-то особенный, весьма оригинальный характер» (*Арнольд Ю.К. Воспоминания: В 3 вып. Вып. 3. М.: [Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа], 1893. С. 1*). Ю.А. Копьев был знаком и с ним (см. вступит. статью).

³⁴ Этому описанию отчасти соответствует «весьма оригинальная и остроумная старушка», имевшая большое влияние в Петербурге, — Наталья Кирилловна Загряжская (1747–1837). По воспоминаниям В.А. Соллогуба, «она была маленького роста, кривобокая, с одним плечом выше другого»; «на нее надевали сперва рыжие букли; потом, сверх буклей, чепчик с оборкой; потом, сверх чепчика, навязывали пестрый платок с торчащими на темени концами, как носят креолки. Потом ее румянили и напаяли на уродливое туловище капот, с бока проколотый, шею обвязывали широким галстуком». Ее неизменно сопровождала «спутница-приживалка, Авдотья Петровна, постоянно вязавшая чулок и изредка огрызавшаяся» (*Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л.: Худож. лит., 1988. С. 570–571*). Однако тот же мемуарист рисует портреты и других чудачливых старушек, удивлявших современников устаревшими нарядами, своеобразным укладом жизни, противоречивым нравом и недюжинным умом; их черты тоже можно усмотреть в характеристике, приведенной в тексте. К числу таких пожилых дам принадлежали Екатерина Александровна Архарова (1755–1836), бабушка В.А. Соллогуба (см. о ней: *Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л.: Худож. лит., 1988. С. 377–385*), и Наталья Петровна Голицына, урожд. графиня Чернышева (1741 или 1744–1837), двоюродная бабушка Сергея Григорьевича Голицына (приходилась кузиной его деду князю С.Ф. Голицыну), известная под именем la princesse Moustache, т. е. усатая княгиня (см. о ней: *Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания.*

Л.: Худож. лит., 1988. С. 569–570). Н.П. Голицину и Н.К. Загряжскую называют прототипами старой графини из пушкинской «Пиковой дамы».

³⁵ Можно предположить, что речь идет о цене билета на концерт или о размере членских взносов Филармонического общества. Первое издание устава предусматривало взносы от 5 до 15 руб. в год (Устав Вдовьей и сиротской кассы Филармонического общества, учрежденного с высочайшего соизволения в 1802 году в Санкт-Петербурге. СПб., 1807. С. 5).

³⁶ Но мы берем не числом (фр.).

³⁷ Бабушка (фр.).

³⁸ Вероятно, имеется в виду немецкая театральная труппа.

³⁹ Участие в концертах профессиональных музыкантов («артистов») не допускалось в львовской «Музыкальной академии», в отличие от «нарышкинской» (см. выше).

⁴⁰ Название прически (от фр.: сердитый петух).

⁴¹ Генерал-бас — сокращенный способ цифрового обозначения нот указанием на интервалы от самого низкого (басового) регистра.

⁴² В каждой бочке затычка (фр.)

⁴³ Самопожертвование (фр.).

⁴⁴ Возможно, подразумевается дом Д.Л. Нарышкина на Фонтанке.

⁴⁵ Грубая подделка (фр.).

⁴⁶ Аванзал — небольшой зал перед главным.

⁴⁷ Любители (ит.).

⁴⁸ Часы эпохи ампира часто украшали многофигурными композициями на темы античной мифологии.

⁴⁹ Объединялись в группу (фр.).

⁵⁰ «Oume benefico» — трио из оперы Дж. Россини «Сорока-воровка».

⁵¹ «Это один из моих лучших подопечных» (фр.).

⁵² «Мои цыплятки» (фр.).

⁵³ Вероятно, имеется в виду опера Дж. Россини «Моисей в Египте».

⁵⁴ «Семирамида» — опера Дж. Россини.

⁵⁵ Тортиколис, новолатинск. torticollis, от лат. tortus, извитый, и collum, шея. Боль в шейных мускулах, вследствие которой голова не может прямо держаться и поворачиваться.

⁵⁶ «Минуто, моя Армида!» (фр.). Армида — обольстительная красавица, героиня поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

⁵⁷ Перьями марабу украшали женские шляпки.

⁵⁸ Мое сокровище (фр.).

⁵⁹ «Восхитительно, он очарователен, уморителен» (фр.).

⁶⁰ «Он думает обо всем, этот милый человек» (фр.).

⁶¹ Взгляд (фр.).

⁶² Пюпитром.

⁶³ Белоснежные (фр.).

⁶⁴ Héliot — известный в 1830–1840-е гг. в российском светском обществе французский парикмахер. См.: «Сейчас после обеда приехал нас причесывать м-г Héliot...» (Каменская М.Ф. Воспоминания / подгот. текста, сост. и вступ. ст. В.М. Боковой. М.: Худож. лит., 1991. С. 244).

⁶⁵ Акростих (фр.).

⁶⁶ Фероньерка — обруч или цепочка с жемчужиной или драгоценным камнем (иногда — несколькими камнями различного цвета), спускающимися на лоб. Считалась особо нарядным вечерним украшением, носить фероньерку днем считалось неприличным. [9, с. 292].

⁶⁷ Как у Зонтаг (фр.). Генриетта Зонтаг (1806–1854) — немецкая оперная певица, дававшая концерты в Петербурге и Москве.

⁶⁸ Приказчик, продавец в лавке или магазине.

⁶⁹ Правильно: Boutefeu или boute-feu — дословно: пальник, старинное артиллерийское орудие, которое использовалось для воспламенения порохового заряда в пушке; в переносном значении: подстрекатель, зачинщик (фр.).

⁷⁰ «Фермата. Прошу вас» (фр.). Фермата — продление звука или паузы; означает также долгий звук в басу, на фоне которого меняется гармония.

⁷¹ «Фермата! Давайте» (фр.).

⁷² Курляндия, Курляндская губерния — одна из Прибалтийских (Остзейских) губерний Российской империи. Находилась на северо-западе страны, граничила с Балтийским морем (на западе и на севере), с Рижским заливом, Лифляндской и Витебской губерниями (на северо-востоке и востоке), с Ковенской и Виленской губерниями, а также с Восточной Пруссией (на юге).

⁷³ Генрих Даниэль Гамбс (1765–1831) — прусский мебельный мастер, работавший в Санкт-Петербурге. Основал большую семью мебельных мастеров, продукция которых называлась обобщенно «гамбсовой мебелью» и считалась престижной [4, т. 3, с. 21–23].

⁷⁴ На Большой Морской улице (д. 43) располагался особняк предпринимателя, мецената, владельца уральских заводов П.Н. Демидова (1798–1840), приобретенный им вместе с соседним домом (д. 45) по случаю женитьбы на одной из первых красавиц Петербурга фрейлине Авроре Шернваль (1808–1902). Здания перестраивались с середины 1830-х гг. архитектором Огюстом Монферраном (1786–1858). Дома отличались роскошью наружного и внутреннего убранства; в оформлении интерьеров, выполненном по проекту Монферрана, использовались элементы различных стилей: классицизма, ренессанса, рококо. Мебель для «Малого дома» (д. 45) изготавливал мастер Г. Гамбс (см. выше).

⁷⁵ Жардиньера — красиво сделанная подставка для комнатных цветов.

⁷⁶ Предметы декоративно-прикладного искусства (например, вазы) в «этрuscoм» стиле неоклассицизма; см. подробнее: [14, с. 175–187].

⁷⁷ Прозрачные (фр.).

⁷⁸ Вердигри, зелено-серый цвет (фр.).

⁷⁹ Низкие кресла (фр.).

⁸⁰ Мои любимые (фр.).

⁸¹ Кивот (киот) — шкафчик со стеклянной дверцей или створчатая рама для икон.

⁸² Прозрачный (фр.).

⁸³ St. Eustache (фр.) — Святой Евстафий, христианский святой, великомученик, почитается в католической и православной церквях.

⁸⁴ Скорбящая мать (лат.), в католичестве образ скорбящей Девы Марии, оплакивающей страдания Сына.

⁸⁵ Иоганн Евангелиста Госнер (1773–1858) — немецкий религиозный писатель, проповедник и миссионер. В 1820 г. приехал в Санкт-Петербург, проповедовал в римско-католической церкви. В 1824 г. по доносу архимандрита Фотия был выслан за границу.

⁸⁶ Книга «Часы благоговения для спешествования истинному христианству и домашнему богопочтению» немецкого и швейцарского писателя, теолога, педагога Генриха Цшокке (1771–1848).

⁸⁷ Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704) — французский проповедник и богослов, Луи Бурдалу (1632–1704) — французский духовный оратор.

⁸⁸ Штоф — тяжелая одноцветная ткань (шелковая или шерстяная) с крупным тканым узором, употребляемая как декоративная.

⁸⁹ Будауар (фр.).

⁹⁰ Мореное дерево — материал из деревьев, которые в течение многих сотен или тысяч лет находились в торфяных болотах и сохранились от разложения. Считается дорогим видом древесины — мореный дуб, например, использовали в отделке Эрмитажа, дворца-театра графа Шереметьева, дворца Юсуповых и др.

⁹¹ Горшочек (фр.).

⁹² Акварелью (фр.).

⁹³ Имеется в виду Церковь Святой Анны (Аннекирхе, немецкая лютеранская церковь), лютеранский храм в центре Санкт-Петербурга на Кирочной улице (д. 8В).

⁹⁴ Миллионная улица — главная улица Немецкой слободы Санкт-Петербурга.

⁹⁵ Следующий лист (л. 13 об.) отсутствует в копии.

⁹⁶ Доверенное лицо, правая рука.

⁹⁷ Супружеской (фр.).

⁹⁸ Инструментальное вступление в вокальном произведении (фр.).

⁹⁹ Каденция, виртуозное исполнительское соло (итал.).

¹⁰⁰ «Добрый день, друзья» (фр.).

¹⁰¹ «Добрый день, кузен» (фр.).

¹⁰² Прозрачный бульон, консоме (фр.).

¹⁰³ «Я служу только моей родине» (фр.).

¹⁰⁴ Помаре IV (1813–1877) — королева острова Таити, правившая с 1827 по 1877 г. Королевой Помаре называли также известную парижскую лоретку.

¹⁰⁵ Поль Мине — актер санкт-петербургской французской театральной труппы.

¹⁰⁶ Подопечная (фр.).

Литература

1. Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря: в 2 т. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003–2005.

2. Виноградская Н.Л. «Журнал» И.В. Вуича как историко-культурный источник // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 3. С. 178–195.

3. Виноградская Н.Л. Неизвестные письма В.И. Белого к Гоголю // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 2. С. 41–74.

4. Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. СПб.: Азбука-Классика, 2004–2009.

5. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. [Б. м.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

6. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент.: И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

7. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наследие; Наука, ИМЛИ РАН, 2001.

8. *Гоголь Н.В.* Сочинения Н.В. Гоголя: текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым и Владимиром Шенроком: в 7 т. 10-е изд. М.; СПб.: Кн. маг. В. Думнова под фирмою «Наследники бр. Салаевых», 1889–1896.

9. *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половины 20 вв. (Опыт энциклопедии). М.: Большая российская энциклопедия, 1995. 381 с.

10. *Кирсанова Р.М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX в. М.: Книга, 1989. 286 с.

11. *Козырева М.Г.* Придворный банкир А. Раль // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999. С. 205–211.

12. *Крутова М.С.* Воспоминания русских паломниц Варвары Брюн де Сент-Ипполит и Варвары Пельской о пребывании на Святой земле в середине XIX века (на материале отдела рукописей Российской государственной библиотеки) // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7, № 3. С. 52–80.

13. *Лейерман А.С.* Еще одна тайна большого цепного моста, или Qui est le Capitaine Brun? // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2023. Т. 20, вып. 4. С. 791–800.

14. *Литвин Т.А.* Проблема этрусков и «этрусского» стиля неоклассицизма в Западной Европе и в России. К вопросу генезиса стилевых направлений второй половины XVIII в. // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2014. № 31. С. 175–187.

15. *Лямина Е.Э., Самовер Е.Э.* «Бедный Жозеф»: жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х гг. М.: Языки русской культуры, 1999. 559 с. (Серия “Studia historica”)

16. *Манн Ю.В.* В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель — критик — читатель. М.: Книга, 1984. 351 с. (Серия «Судьбы книг»)

17. *Найдич Э.* Этюды о Лермонтове. СПб.: Худож. лит., 1994. 253 [1] с.

18. *Писарев Д.И.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. М.: Наука, 2000–2013.

19. *Петровская И.Ф.* Концертная жизнь Петербурга, музыка в общественном и домашнем быту. 1801–1859 годы: Материалы для энциклопедии «Музыкальный Петербург». СПб.: Петровский фонд, 2000. 199 с.

20. *Петровская И.Ф.* Музыкальное образование и музыкальные общественные организации в Петербурге 1801–1917: Энциклопедия. СПб.: Петровский фонд, 1999. 367 с.

21. *Степанов В.П.* Копьев Алексей Данилович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 123–126.

**“The Work of an Entire Family”
(Letter from Varvara Brun de Saint-Hippolyte
to Nikolai Gogol
with Materials for a Sequel to “Dead Souls”)**

© 2026. Nataliya L. Vinogradskaya,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

© 2026. Alina A. Shurukhina,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

*Introductory Article by N.L. Vinogradskaya, Text Preparation and Commentary
by N.L. Vinogradskaya and A.A. Shurukhina*

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-28-02075 “Gogol and His Entourage (A Collection of Biographical Materials)” (<https://rscf.ru/project/25-28-02075/>).

Abstract: For the first time, a letter from Varvara Alekseyevna Brun de Saint-Hippolyte (née Kop’eva, c. 1807–1875) to Nikolai Gogol containing materials for a sequel to “Dead Souls” is published and attributed. The letter, probably dating back to the end of 1850, was written in response to Gogol’s preface to the second edition of “Dead Souls” (“To the Reader from the Author,” 1847). It invited readers of all social classes to correct the errors of the first volume of the poem and send Gogol their comments along with notes on the people around them, their daily life, and customs. Varvara Brun de Saint-Hippolyte, among others, responded to this request. She was born in St. Petersburg into the family of the playwright Alexei Kop’ev, but soon after her marriage (1846), she left the capital and settled on her Kostroma estate, from where she wrote to Gogol, enclosing a notebook with materials she had prepared jointly with other family members. The notebook contains sketches of the social and musical life of St. Petersburg. Gogol wrote to Petr Pletnev on July 15, 1851, about his impressions of the materials he received, noting that they contain “observation and life.” The text is published with a commentary and an introductory article, which provides biographical information about Varvara Brun de Saint-Hippolyte and her family. The place of the letter in the creative history of “Dead Souls” is revealed. This publication helps expand the corpus of Gogol’s correspondence, as presented in the academic Complete Works of the writer.

Keywords: Nikolai Gogol, Varvara Brun de Saint-Hippolyte, Petr Pletnev, “Dead Souls,” preface to the second edition of “Dead Souls,” correspondence, musical life of St. Petersburg in the first half of the 19th century, amateur musicians

Information about the authors: Nataliya L. Vinogradskaya, PhD in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9669-2061>

E-mail: nvinograd@yandex.ru

Alina A. Shurukhina, MA in Philology, Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-9667-1090>

E-mail: al.shurux@gmail.com

For citation: Vinogradskaya, N.L., Shurukhina, A.A. “‘The Work of an Entire Family’ (Letter from Varvara Brun de Saint-Hippolyte to Nikolai Gogol with Materials for a Sequel to ‘Dead Souls’),” introd. by N.L. Vinogradskaya, text prep. and comm. by N.L. Vinogradskaya and A.A. Shurukhina. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 41–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-41-90>

References

1. *Byt pushkinskogo Peterburga: Opyt entsiklopedicheskogo slovaria: v 2 t. [Every-day Life in Pushkin's Petersburg: An Encyclopedic Dictionary: in 2 vols.]*. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2003–2005. (In Russ.)
2. Vinogradskaya, N.L. “‘Zhurnal’ I.V. Vuicha kak istoriko-kul'turnyi istochnik” [“I.V. Vuich's ‘Journal’ as a Historical and Cultural Source”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 3, 2022, pp. 178–195. (In Russ.)
3. Vinogradskaya, N.L. “Neizvestnye pis'ma V.I. Belogo k Gogoliu” [“Unknown Letters from V.I. Bely to Gogol”]. *N.V. Gogol': Materialy i issledovaniia [Materials and Research]*, vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 41–74. (In Russ.)
4. Vlasov, V.G. *Novyi entsiklopedicheskii slovar' izobrazitel'nogo iskusstva: v 10 t. [New Encyclopedic Dictionary of Fine Arts: in 10 vol.]*. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2004–2009. (In Russ.)
5. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t. [Complete Works: in 14 vols.]*. [S. l.]: AS SU Publ., 1937–1952. (In Russ.)
6. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. [Complete Works and Letters: in 17 vols.]*, comp., text prep. and comm. by I.A. Vinogradov and V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moskovskaia Patriarkhiia Publ., 2009–2010. (In Russ.)
7. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t. [Complete Works and Letters: in 23 vols.]*. Moscow, Nasledie, Nauka, IWL RAS Publ., 2001–. (In Russ.)
8. Gogol', N.V. *Sochineniia N.V. Gogolia: tekst sveren s sobstvennoruchnymi rukopisiami avtora i pervonachal'nymi izdaniiami ego proizvedenii Nikolaem Tikhonravovym i Vladimirom Shenrokom: v 7 t. [The Collected Works of N.V. Gogol: the Text has been Verified Against the Author's Own Manuscripts and the Original Editions of his Works by Nikolai Tikhonravov and Vladimir Shenrok: in 7 vols.]*. 10th ed. Moscow, St. Petersburg, Knizhnyi magazin V. Dumnova pod firmoiu “Nasledniki brat'ev Salaevykh” Publ., 1889–1896. (In Russ.)
9. Kirsanova, R.M. *Kostium v russkoi khudozhestvennoi kul'ture 18 — pervoi poloviny 20 vv. (Opyt entsiklopedii) [Costume in Russian Artistic Culture of the 18th —*

First Half of the 20th Centuries (An Encyclopedia). Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1995. 381 p. (In Russ.)

10. Kirsanova, R.M. *Rozovaia ksandreika i dradedamovyi platok: Kostium — veshch' i obraz v russkoi literature XIX v.* [*Pink Xandreika and Dradedam Shawl: Costume — Thing and Image in Russian Literature of the 19th Century*]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 286 p. (In Russ.)

11. Kozyreva, M.G. “Pridvornyi bankir A. Ral’” [“Court Banker A. Ral’”]. *Nemtsy v Rossii: Peterburgskie nemtsy* [*Germans in Russia: St. Petersburg Germans*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 205–211. (In Russ.)

12. Krutova, M.S. “Vospominaniia russkikh palomnits Varvary Briun de Sent-Ippolit i Varvary Pel'skoi o prebyvanii na Sviatoi zemle v seredine XIX veka (na materiale otdela rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki)” [“Memoirs of Russian Pilgrims Varvara Brune de Saint-Hippolyte and Varvara Pelskaya about Their Stay in the Holy Land in the Mid-19th Century (Based on Materials from the Manuscript Department of the Russian State Library)”]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke* [*Christianity in the Middle East*], vol. 7. no. 3, 2023, pp. 52–80. (In Russ.)

13. Leierman, A.S. “Eshche odna taina bol'shogo tsepnogo mosta, ili Qui est le Capitaine Brun?” [“Another Mystery of the Great Chain Bridge, or Qui est le Capitaine Brun?”]. *Izvestiia Peterburgskogo universiteta putei soobshcheniia*, vol. 20, issue 4, 2023, pp. 791–800. (In Russ.)

14. Litvin, T.A. “Problema etruskov i ‘etrusskogo’ stilia neoklassitsizma v Zapadnoi Evrope i v Rossii. K voprosu genezisa stilevykh napravlenii vtoroi poloviny XVIII v.” [“The Problem of the Etruscans and the ‘Etruscan’ Style of Neoclassicism in Western Europe and Russia. On the Genesis of Stylistic Trends of the Second Half of the 18th Century”]. *Nauchnye trudy Sankt-Peterburgskoi akademii khudozhestv*, no. 31, 2014, pp. 175–187. (In Russ.)

15. Liamina, E.E., and E.E. Samover. “Bednyi Zhozef”: zhizn' i smert' Iosifa Viel'gorskogo: Opyt biografii cheloveka 1830-kh gg. [“Poor Joseph”: The Life and Death of Joseph Vielgorsky: An Experiment in the Biography of a Man of the 1830s]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 559 p. (In Russ.)

16. Mann, Iu.V. *V poiskakh zhivoi dushi: “Mertvye dushi”. Pisatel' — kritika — chitatel'* [In Search of a Living Soul: “Dead Souls.” Writer — Critic — Reader]. Moscow, Kniga Publ., 1984. 351 p. (In Russ.)

17. Naidich, E. *Etiudy o Lermontove* [Sketches about Lermontov]. St. Petersburg, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1994. 253 [1] p. (In Russ.)

18. Pisarev, D.I. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2000–2013. (In Russ.)

19. Petrovskaia, I.F. *Kontsertnaia zhizn' Peterburga, muzyka v obshchestvennom i domashnem bytu. 1801–1859 gody: Materialy dlia entsiklopedii “Muzykal'nyi Peterburg”* [Concert Life in St. Petersburg, Music in Public and Domestic Life. 1801–1859: Materials for the Encyclopedia “Musical Petersburg”]. St. Petersburg, Petrovskii fond Publ., 2000. 199 p. (In Russ.)

20. Petrovskaiia, I.F. *Muzykal'noe obrazovanie i muzykal'nye obshchestvennye organizatsii v Peterburge 1801–1917: Entsiklopediia* [*Musical Education and Musical Public Organizations in St. Petersburg 1801–1917: Encyclopedia*]. St. Petersburg, Petrovskii fond Publ., 1999. 367 p. (In Russ.)

21. Stepanov, V.P. “Kop'ev Aleksey Danilovich” [“Kop'ev Aleksei Danilovich”]. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [*Dictionary of Russian Writers of the 18th Century*], vol. 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 123–126. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.03.2026

Одобрена после рецензирования: 16.06.2026

Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 21.03.2026

Approved after reviewing: 16.06.2026

Date of publication: 25.09.2026